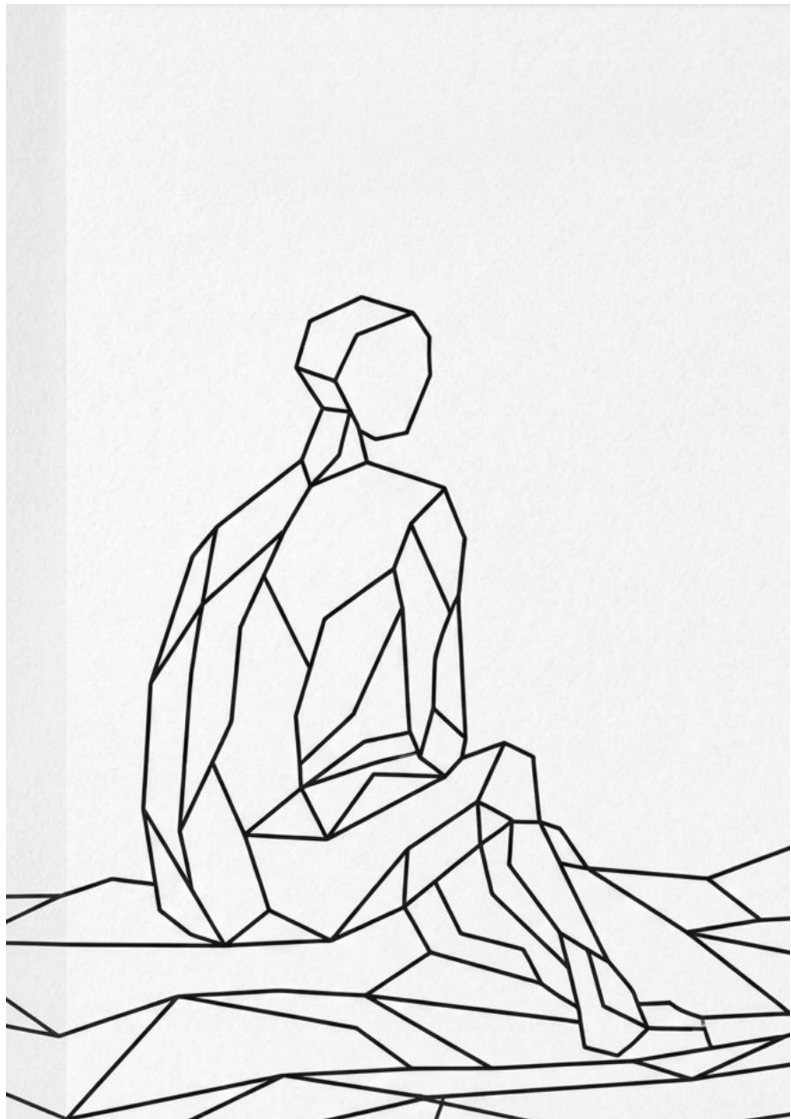

Павел Юпатов

Ломанные линии

<https://litres.ru/74230494>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это истории про жизнь обычных и необычных людей - попытка поймать один момент из множества ему подобных.

У каждого из нас есть своя понятная картинка мира, и в каждый момент времени она может изменяться. Но внешние оценки слишком часто всё упрощают, делая наши чувства и решения гораздо более плоскими, чем мы их проживаем на самом деле. В этих текстах никто не ищет виноватых. Это скорее попытка зафиксировать тот странный зазор, когда привычные правила перестают работать: шаг уже сделан, а зачем - до конца не ясно. Оказывается, что в любом поступке всегда гораздо больше слоёв, чем в простых ярлыках «хорошо» или «плохо».

Человек всегда шире своих действий, но при этом словно не дотягивает до собственного идеала. И это истории про то, как жить дальше, когда внутри нет готовых ответов - и как разрешить себе не судить всю свою жизнь по одному-единственному поступку.

Содержание

Вестибюль	5
Салон	7
Фасад	10
Carabidae	14
Ледяной голубой	18
Гарнитур	22
Букет	25
Мир больших ног и теплого одеяла	28
Две конфеты для двоих	32
Правила игры	35
Подлинная страсть	39
Алгоритм	41
Сказки для Тани	45
Пока гуляет пес	56
Джунгли	60
Неоконченная статья	62
Условие выхода	69
Засовы	75
Мы, люди	77
Закрытая дверь	79
Сломанные линии	82
Турникет	87
Поезд домой	89

Потерянный покой	92
Что в коробке?	95
Красота пустых полей	98
На вершине	103
Он вернулся	106
Время готовности	111
Свет	114
12	118
Ливень	122
Граница	127
Этажи	129
Настоящая жизнь	133
Клуб	136
Стоп! Снято!	138
Кольцо	142
Место в сердце	145
I look at you and i see me	148
Вся королевская конница, вся королевская рать	153
Партия	156
Новые вводные	158
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Павел Юпатов

Ломанные линии

Вестибюль

Каждый день водитель сидит на кожаном диване внизу, в лобби жилого комплекса. Он ждет хозяйку. Она никогда не выходит вовремя, поэтому у него всегда есть два-три часа, чтобы просто смотреть по сторонам.

В руке светится телефон с открытыми новостями, но водитель наблюдает за жильцами, которые спускаются к паркингу. Вот женщина ведет на коротком поводке левретку в серой попоне. Собака мелко дрожит у лифта. Мальчик лет двенадцати в черном худи аккуратно несет плотный мусорный пакет, завязанный на узел. Одного из жильцов водитель привык видеть в костюме-тройке и с тяжелым портфелем, но сегодня у того выходной - он идет мимо стойки ресепшена в мятых льняных шортах и шлепках на босу ногу, с пластиковой бутылкой минералки в руке.

Водитель смотрит на его бледные, волосатые ноги и думает: мог бы он сам быть частью этого мира? Хотел бы он быть не тем, кто ждет на диване, а тем, ради кого заранее включают кондиционер в салоне?

И каждый раз мысль уходит назад, к бабушке в деревню.

Вспоминается потрескавшийся серый шифер на крыше сарая, деревянное крыльцо и крики петухов в пять утра. Водитель сидит, глядя в гаснущий экран, и не знает, где была настоящая жизнь - в той деревне или в этом тихом вестибюле, где пахнет дорогим освежителем. Он не может ответить себе на вопрос, зачем он здесь. Мир легко обойдется без еще одного водителя.

В кармане начинает глухо вибрировать телефон. На экране высвечивается «Юля». Жена сейчас в поликлинике, у кабинета. Ей должны выдать результаты анализов - что-то важное, из-за чего они оба молчали всю прошлую ночь.

В этот момент двери лифта бесшумно разъезжаются, и выходит хозяйка. Она на ходу перекладывает из руки в руку золотистый флакон духов и застегивает замок на сумке.

Водитель смотрит на вибрирующий телефон, большим пальцем сбрасывает звонок и прячет аппарат в карман брюк. Это подождет.

Он быстро встает, на секунду раньше неё толкает тяжелую стеклянную дверь на улицу и открывает заднюю дверцу черного седана. Он не спрашивает, куда они едут. Он знает график: в три часа у неё запись в салоне красоты на углу Покровки. Поездка туда сейчас важнее.

Хозяйка садится назад, от неё пахнет свежим парфюмом. Дверь закрывается с плотным, мягким хлопком. Водитель обходит машину, садится за руль, поправляет воротник рубашки и заводит мотор.

Салон

Мастер Аня нанесла обезжириватель на ногти левой руки и потянулась за базой. На безымянном пальце правой руки клиентки было пусто. Вместо привычного плоского кольца из белого золота осталась только тонкая, чуть более светлая полоска кожи.

Аня смахнула жесткой щеточкой невидимую пыль с салфетки, помедлила секунду и спросила:

- Ой, а где кольцо? Не потеряли?

Клиентка - невысокая, худенькая блондинка лет тридцати - даже не посмотрела на руку. Она сидела с безупречно прямой спиной, глядя куда-то в сторону окна, где по стеклу размазывался мелкий майский дождь. Каре волосок к волоску, серый шерстяной джемпер идеально отпарен, на воротнике - ни одной ворсинки.

- Да, - тихо ответила она. - Потеряла. Только не кольцо.

Аня замерла с кисточкой в руке, но расспрашивать не стала. За те два года, что клиентка ходила к ней каждые три недели, Аня вообще ничего о ней не узнала. Та никогда не распространялась о себе, телефон всегда благополучно лежал на углу стола экраном вниз. О том, что клиентка уже десять лет замужем, Аня помнила только из её самого первого визита - тогда, заполняя карточку гостя, женщина коротко уточняла у администратора, нужно ли указывать девичью

фамилию или ту, что она носит последние десять лет после свадьбы.

В салоне негромко играл лаунж, за стеной шумел фен. Аня перебирала флаконы на стеклянной полке, тихонько стуча ими друг о друга. Ей хотелось как-то сдвинуть эту застывшую, тяжелую плотность в воздухе.

- Может быть, сегодня красный? - предложила Аня, вытащив яркий тюбик. - Или винный? К вашему серому джемперу будет очень хорошо.

Женщина покачала головой. Чуть заметно поправила ремешок часов на запястье.

- Нет. Завтра важное совещание на работе. Пусть будет бежевый, как обычно. В два слоя.

- Хорошо.

Аня достала привычный полупрозрачный флакон. Клиентка послушно опустила узкую ладонь на мягкую кожаную подушечку. Она неподвижно смотрела на свои пальцы - на то, как Аня наносит первый мазок, как сушит руку в ультрафиолетовой лампе, где синий свет делает ногти мертвенно-белыми, как наносит второй слой.

Через сорок минут всё было готово. Женщина бережно, чтобы не задеть кутикулу, застегнула пуговицы на пальто, перевесила сумку на локоть и расплатилась на кассе. Она вежливо кивнула Ане, улыбнулась одними губами и толкнула тяжелую стеклянную дверь.

На улице пахло мокрым асфальтом и бензином. Её серый

хэтчбек стоял метрах в двадцати, у самого бордюра, лобовое стекло тускло блестело от капель. Женщина сделала три шага по тротуару, когда правая нога вдруг резко ушла вниз. Раздался сухой, короткий хруст. Тонкая шпилька намертво застряла в узкой щели между гранитными плитками.

Фасад

В офисе Кристину воспринимали как инопланетянку, которая случайно забрела в их унылый отдел логистики. Она знала всё: от адресов закрытых баров на Китай-городе до концептуальных выставок на Винзаводе, цитировала Бодрийера и носила оверсайз-пиджаки так, будто только что сошла с подиума. Вокруг неё всегда стоял едва уловимый шлейф дорогого парфюма и абсолютной, звенящей независимости.

Матвей смотрел на неё полгода. Обычный парень, ведущий специалист, рубашки в клетку, кроссовки. Он трижды пытался вытащить её на кофе, дважды - на новые азиатские бистро, о которых она сама же и рассказывала на кофе-пойнте.

- Матвей, я бы с радостью, но у меня планы на вечер, - улыбалась она, глядя в экран айфона. - В следующий раз, ладно?

«Планы» Кристины Матвей дорисовывал сам: закрытые презентации, свидания с какими-нибудь арт-директорами, модные рейвы. Рядом с ней он чувствовал себя слишком пресным.

В среду Кристина не вышла. В рабочем чате написала короткое: «Заболела, буду на связи». К обеду шеф занервничал - на её ноутбуке остался незакрытый реестр по контрагентам,

который нужно было срочно отправить юристам.

- Я отвезу, - вызвался Матвей. - Мне всё равно по пути в Налоговую. Заодно закину.

Адрес в отделе кадров удивил: окраина Лианозово, старая панельная девятиэтажка. Матвей ожидал увидеть как минимум стильную студию на Дизайне-заводе.

Возле обшарпанной серой двери он позвонил. Ждал долго. Когда замок наконец щёлкнул, Кристина приоткрыла дверь лишь на пару сантиметров, удерживая её цепочкой. На ней был старый, застиранный худи, волосы перехвачены крабом, лицо бледное, без капли макияжа. Но даже в таком виде она пыталась держать марку.

- Матвей? Зачем ты приехал? - в голосе промелькнула паника.

- Ноут привёз. Шеф просил реестр скинуть. Держи, - он протянул сумку. - Слушай, ты как? Может, лекарств каких купить? Пусти, я хоть чай тебе сделаю.

- Нет! - отрезала она слишком резко. - Не надо. Спасибо, Матвей. Я сама. Мне нужно лечь.

Она попыталась закрыть дверь, но Матвея вдруг захлестнула глухая, копившаяся месяцами обида. Эта её вечная стена, это высокомерие, даже сейчас, когда она едва держится на ногах. Он чисто механически подставил носок кроссовка и нажал на дверь плечом. Цепочка с треском вылетела из паза вместе с куском старого косяка.

- Да что ты из себя строишь?! - зло выкрикнул он, шагая

в тёмный коридор.

Слова застряли в горле.

Квартира встретила его глухим, тяжелым запахом старости, хлорки и дешёвых сердечных капель. Никакого лофта. Потертый линолеум, обои в цветочек из девяностых, в углу - инвалидная коляска, заваленная какими-то коробками.

Кристина стояла прижавшись спиной к стене. Силы оставили её, она не злилась и не пыталась его выгнать. Она просто смотрела на него пустыми, сдавшимися глазами. Фасад рухнул, обнажив глухую, беспросветную бедность.

Из комнаты в конце коридора раздался слабый, глухой кашель.

- Кристиночка, это ты? Кто там пришёл, дочка?

Матвей на ватных ногах прошёл по коридору и заглянул в комнату. На старой кровати под лоскутным одеялом лежала худая, седая женщина. Вокруг неё на тумбочке громоздились сиропы, тонометр, пачки пеленок. Женщина попыталась приподнять голову, но не смогла.

Матвей резко развернулся. Он посмотрел на Кристину - та стояла опустив голову, пряча руки в широких рукавах худи.

Он не сказал ни слова. Развернулся, вышел на лестничную клетку и быстро пошёл вниз по ступеням.

На следующее утро, ровно в девять, в дверь Кристины снова позвонили.

Она открыла, уже не прячась. На пороге стоял Матвей. В обеих руках у него были огромные, трещащие по швам пла-

стиковые пакеты, из которых торчали зелень, пакеты с молоком, коробки с мясом и какие-то баночки.

- Привет, - сказал он спокойно, проходя мимо неё в коридор, словно вчера ничего не случилось. - Я взял отгул на работе.

Он аккуратно поставил пакеты на пол, снял кроссовки и завернул рукава своей неизменной клетчатой рубашки.

- В армии я полтора года на пищеблоке отпахал. Готовил на полсотни мужиков, никто не жаловался. Подумал, тебе будет интересно попробовать мой фирменный суп с фрикадельками. И пюре. Нормальное, домашнее, со сливками.

Кристина смотрела на него, и её губы впервые дрогнули, но она сдержалась.

Матвей молча взял пакеты, прошёл на маленькую, чистую кухоньку, щёлкнул конфоркой старой плиты и зашуршал ножами. Жизнь за стеной её личной катастрофы продолжалась - простая, осязаемая и пахнущая домашней едой.

Carabidae

Сменщик Юра искренне считал Аркадия блаженным.

- Ты бы, Аркаш, хоть в Киржач на выходные съездил, на рыбалку, - наставлял Юра, застегивая португую перед пере-
сменкой. - А то сидишь один в своих четырех стенах. Ни ба-
бы, ни телевизора нормального. Тоскливо же, ну? Молодой
еще мужик, сорок два всего.

Аркадий улыбался - мягко, чуть нескладно, пряча подбородок в воротник форменной куртки с надписью «Охрана».

- Да мне не тоскливо, Юр. У меня дел много.

Юра только махал рукой и уходил к метро. Какие там дела
в хрущевке на окраине Щелковской.

Для всего бизнес-центра «Орион» Аркадий был деталью
интерьера. Человеком, который нажимает кнопку шлагбау-
ма, выдает временные пропуска и по ночам обходит пустые
этажи, светя фонариком по углам. Работа идеальная: сутки
через трое, тишина, никто не трогает. Платят немного, но на
гречку, минтай и оплату безлимитного интернета хватало с
избытком. А больше Аркадию было не нужно.

Вся его настоящая жизнь начиналась, когда он садился за
старый макбук, купленный с рук.

В международном энтомологическом сообществе Арка-
дия знали под ником *Carabus_RF*. Он был ведущим экс-
пертом по жесткокрылым Центральной Европы. Его статьи,

переведенные на английский с помощью онлайн-переводчика и природного чувства языка, публиковались в вестнике Уппсальского университета. Аркадий знал об альпийских жужелицах то, чего не знали профессора с мировым именем. Он переписывался с коллегами из Мюнхена, Киото и Стокгольма, спорил о строении надкрылий и строил такие филогенетические деревья, от которых у академиков захватывало дух.

В пятницу была его смена. На улице лил унылый майский дождь. Аркадий сидел на вахте, подперев щеку кулаком. На столе для вида лежал потрепанный детектив в мягкой обложке, а на коленях - планшет. Шел тяжелый спор на латыни с доктором Ларсом Улафсоном по поводу миграции жужелиц в предгорьях Альп.

Около двух часов дня стеклянные двери БЦ с грохотом распахнулись.

В холл вошел высокий, сухощавый старик в промокшем насквозь твидовом пиджаке, с массивным кожаным портфелем и растрепанными седыми вихрями. Он растерянно огляделся, подошел к стойке охраны, достал из кармана бумажку с адресом и на ломаном, с сильным акцентом английском произнес:

- Извините... Я ищу Аркадий Воронов. Мне сказали в институте морфологии, что в пятницу он работает здесь. Я правильно приходить?

Аркадий медленно отложил планшет и поднялся.

- Доктор Улафсон? - тихо спросил он по-английски.

Старик замер, близоруко прищурился, вглядываясь в серо-синюю форму охранника, в громоздкие форменные ботинки, в шеврон на рукаве. Потом его лицо прорезала широчайшая, детская улыбка.

- Аркадий! О, господи, это вы! - старик мгновенно перешел на певучий шведский, жестикулируя длинными сухими руками. - Я прилетел на симпозиум в Москву всего на два дня! Я не мог уехать, не показав вам это лично! Экспертиза подтвердила - это новый подвид! Вы были правы, абсолютно правы!

Профессор из Уппсалы, не обращая внимания на лужу, стекающую с его плаща на чистый гранитный пол, с трепетом фокусника открыл портфель. Извлек оттуда тяжелую чашку Петри, внутри которой в специальном геле покоился крошечный, невероятного изумрудно-синего цвета жук.

Аркадий забыл, как дышать. Он перегнулся через стойку, его нескладная фигура в нелепой форме вдруг обрела удивительную собранность.

- **Carabus olympiae**, - прошептал Аркадий по-шведски. Язык он выучил за последние три года просто по словарям, чтобы читать первоисточники. - Но посмотрите на форму переднеспинки. Она более уплощенная. Это изолят?

- Да! Да! Из каньона на южном склоне! - Ларс запрыгал от восторга, как мальчишка. - Вы предсказали его существование в своей январской статье! Вы гений, Аркадий! Вся ка-

федра шлет вам поклон.

В этот момент мимо стойки по направлению к турникету шел исполнительный директор крупной IT-компании, арендовавшей весь третий этаж - человек в костюме стоимостью в десять зарплат Аркадия, с тремя телефонами и вечным выражением экзистенциальной тоски на лице.

Он на секунду притормозил, удивленно посмотрел, как вечно молчаливый охранник Аркаша и какой-то сумасшедший иностранец, склонившись над стекляшкой, с горящими глазами быстро и гортанно спорят на непонятном языке, поминутно тыча пальцами в латинские термины на экране планшета.

Директор покачал головой, приложил пропуск к турникету и вышел под дождь, к своему заведенному водителем Мерседесу.

А на вахте, под блеклым светом люминесцентных ламп, два человека были абсолютно, безоговорочно счастливы. У них был свой, огромный, переливающийся всеми оттенками синего мир, в котором не существовало ни шлагбаумов, ни отчетов, ни чужой жалости.

Ледяной голубой

Денис знал про Rolex Daytona Platinum всё. Он знал, что их корпус вытачивается из цельного куска платины 950-й пробы, что весят они без малого триста граммов и что их визитная карточка - уникальный циферблат цвета полярного льда. Денис копил на них последние шесть лет. Он завел три накопительных счета, отказывал себе в отпусках, пересел на метро и подрабатывал ночами, переводя техническую документацию для немецких заводов. На его счете лежало уже почти пять миллионов рублей. До мечты оставалось еще столько же, но Денис был упрям. Он точно знал, как этот кусок платины ляжет ему на запястье.

В пятницу в главном здании Сити на входе в лифтовую зону былолюдно. Денис протиснулся в кабину скоростного лифта, который должен был поднять его на сороковой этаж, в офис консалтинговой фирмы. Вместе с ним в лифт зашел парень в расстегнутом худи и обычных джинсах - судя по всему, дизайнер или айтишник из местных стартапов. Парень держал стаканчик с кофе и залипал в телефон.

Лифт мягко тронулся, закладывая уши.

Парень с кофе поднял руку, чтобы поправить капюшон, и из-под рукава его худи выскользнули они.

У Дениса перехватило дыхание. Тяжелый, маслянистый блеск платины. Коричневый керамический безель. И этот

невероятный, ледяной, ни с чем не сравнимый голубой цвет циферблата. Вживую они выглядели еще более гипнотически, чем на макрофотографиях в часовых блогах.

Денис, забыв про всякую пристойность, уставился на чужое запястье.

- Извините... - не выдержал он, когда лифт пролетал двадцатый этаж. Голос даже чуть дрогнул. - Это же платиновая Дайтона? С ледяным циферблатом?

Парень оторвался от телефона, недоуменно посмотрел на Дениса, потом на свои часы, словно только что вспомнил об их существовании.

- А? Ну да, Дайтона. Мне жена на тридцатилетие подарила месяц назад. А что?

- Это шедевр, - выдохнул Денис, глядя на часы с религиозным трепетом. - Просто космос. Поздравляю. Найти их сейчас у дилеров нереально, а на сером рынке за них просят тысяч сто пятьдесят долларов. Не меньше. Вы берегите их, такая вещь на руке - это десять с половиной миллионов рублей. Как квартира.

Лифт тихо звякнул, объявив тридцать пятый этаж.

- Ага... Спасибо, - парень как-то странно, потерянно улыбнулся и вышел. Двери закрылись, унося Дениса выше.

Денис остался стоять в лифте, его сердце бешено колотилось от восторга. Он подержал взглядом живую мечту. Мир стал ярче. Он подмигнул своему отражению в зеркале лифта и подумал, что сегодня же возьмет еще один контракт на

перевод.

Кирилл стоял в пустом коридоре тридцать пятого этажа, и пластиковый стаканчик с капучино медленно сминался в его пальцах. Кофе потек по руке, но он этого не замечал.

"Сто пятьдесят тысяч долларов. Десять с половиной миллионов рублей."

Кирилл поднял левую руку и посмотрел на тяжелый металлический кругляк со стрелками. Он работает старшим сисадмином в мелкой конторе. Его жена, Алина - ведущий бухгалтер в скромном автотехцентре на Варшавке с зарплатой в сто двадцать тысяч рублей.

Месяц назад, на его юбилей, она вытащила из сумочки эту зеленую коробку. «Кир, я премию огромную получила за годовой аудит, решила тебя порадовать. Ты же хотел солидные часы». Кирилл тогда поцеловал её, посмеялся, подумал, что часы симпатичные, ну, стоят, наверное, тысяч пятьдесят. Ну, сто максимум, если Алина совсем уж психанула и влезла в рассрочку. И носил их с худи, не задумываясь, пару раз чуть не поцарапав о системный блок.

Десять с половиной миллионов.

Откуда у простого бухгалтера Алины, которая по вечерам забивает в Эксель накладные на тормозные колодки, деньги на часы стоимостью в подмосковный дом? Какие, к черту, аудиты? Какая премия?

Лифт улетел вверх. Коридор был тих и стерилен. Кирилл смотрел на ледяной голубой циферблат, и ему казалось, что

этот лед медленно перетекает ему под кожу, намертво схватывая сердце. Мир, который он считал понятным, уютным и своим, только что рухнул без единого звука.

Гарнитур

В ювелирный салон на Кутузовском проспекте случайные люди не заходили. Сюда приходили за статусом. Девушки, работавшие за стеклянными витринами, проходили жесткий отбор: безупречный английский, фарфоровая кожа, умение улыбаться так, будто перед ними центр вселенной. Большинство из них искали здесь одно и то же - билет в красивую жизнь.

Алина появилась в салоне в начале весны. Она ничем не выделялась среди остальных: тот же строгий черный костюм, те же гладко собранные волосы, те же точные, заученные движения, когда она выкладывала на бархатный планшет серьги стоимостью в хорошую квартиру. Камуфляж был идеальным.

Аркадий Викторович заметил её сразу. К своим пятидесяти он владел крупной логистической компанией, имел седину на висках и твердое убеждение, что у всего в этом мире есть понятный ценник. Женщины не были исключением. Аркадий любил красивую игру: затяжные взгляды, легкий флирт, а затем - сокрушительный удар в виде дорогого подарка, против которого никто не мог устоять.

Он начал заходить в салон дважды в неделю. Покупал запонки, часы, выбирал подарки вымышленным партнерам. Алина обслуживала его безупречно. На исходе месяца Арка-

дий перешел к главному ходу - он выбрал кольцо с безупречным пятикаратным бриллиантом, оплатил его и пододвинул коробочку через прилавок ей:

- Это вам, Алина. За чарующий профессионализм. И я бы очень хотел продолжить наше знакомство за ужином.

Алина посмотрела на кольцо, затем прямо ему в глаза. Спокойно, без тени кокетства или испуга.

- Спасибо, Аркадий Викторович. Но я не принимаю такие подарки. Если вы хотите узнать меня ближе - мы можем выпить кофе. Но кольцо останется здесь.

Аркадия это задело. В его мире отказ означал лишь то, что ставка сделана неверно. Мужчина начал нервничать, азарт ударил в голову. На следующий день он вернулся и молча выложил на стол коробку побольше - к кольцу добавилось колье и серьги. Тяжелый, баснословно дорогой гарнитур.

- Теперь правила изменились? - спросил он с легкой, уверенной улыбкой хозяина положения.

Алина помолчала, глядя на сверкающие камни. Затем медленно закрыла крышку и подняла на него глаза:

- Хорошо. Я приму это. Завтра у меня выходной. Заедьте за мной сюда, к магазину, ровно в двенадцать.

В субботу в полдень представительский мерседес Аркадия затормозил у дверей салона на Кутузовском. Он вышел из машины, предвкушая триумф. Но за витриной стояла другая девушка.

Навстречу ему выскочил смущенный, бледный управляю-

щий салона:

- Аркадий Викторович, добрый день! Извините ради бога... Алина сегодня утром уволилась. Без объяснения причин, просто рассчиталась и ушла. Но она просила передать лично вам вот это.

Управляющий протянул фирменный пакет.

Внутри лежала та самая тяжелая коробка. Аркадий нахмурился, щелкнул замком и открыл крышку. Гарнитур был на месте - бриллианты холодно сверкали на сером бархате. Под ними лежала сложенная пополам записка и старая, пожелтевшая от времени фотография.

Он развернул листок. Аккуратным почерком было написано:

«Я не хотела просто исчезнуть. Оставляю вам на память то, что считаю по-настоящему важным для себя».

Аркадий взял в руки снимок. На нем - тридцать лет назад, на фоне какого-то облупившегося пятиэтажного дома в провинции - стоял он сам. Молодой, худой, еще без дорогих костюмов и седины. И крепко держал на руках маленькую, улыбающуюся двухлетнюю девочку.

Букет

Внутри Лены всегда жила идеальная, выверенная тишина. Лет с восьми, когда за стеной родительской спальни глухо билась посуда и звенели чужие, злые голоса, Лена научилась задерживать дыхание и становиться невидимой. Она думала: если получить пять по контрольной и идеально сложить вещи в шкафу, они перестанут. Они обнимут её и скажут, что всё хорошо.

Но они развелись. Мама плакала на кухне, размазывая тушь по лицу, а Лена смотрела на неё из угла и чувствовала, как внутри, прямо под ребрами, застывает холодный, надежный лед. Тогда она дала себе первое, самое главное слово: "никто и никогда не заставит меня плакать. Я буду сильной. Я буду сама по себе."

Она выросла безупречной. Красивая, резкая, с прямой спиной и взглядом, который мужчины читали как вызов. Они приходили с глупым, стандартным желанием «растопить этот лед», окружить заботой, спрятать за свою мужскую спину. Они строили из себя спасателей, но никто из них ни разу не спросил: «Лена, а чего хочешь ты сама?» А когда она пыталась объяснить, что ей не нужен спасатель, ей нужен равный, её слова списывали на тяжелый характер, гордость или капризы.

Она не была букой. Она любила жизнь, любила шумные

компании, легко смеялась и заводила друзей. Но у нее был пунктик - она панически боялась раствориться в толпе, потерять свое «я», уступить контроль над собственной жизнью. Её броня работала как швейцарские часы. Одиночество её не пугало - пугала перспектива оказаться в постели и в жизни с чужим, не её человеком.

Даже когда она позволила себе влюбиться - по-настоящему, так, что внутри всё переворачивалось от одного звука чужого голоса, - внешне она не изменила ни одной своей привычке. Контроль был абсолютным. Черта была проведена.

А потом случился этот сон.

Среди ночи ей приснилась маленькая девочка в белом платьице. Девочка смотрела на неё огромными, до боли знакомыми глазами, протягивала ладошки и тихо, но отчетливо говорила: «Мама, не бойся. Я тебя защищу».

Лена проснулась в пять утра. Сердце колотилось в горле. Сон не забывался, он стоял перед глазами, живой и осязаемый. Эта маленькая девочка из сна - уязвимая, чистая, еще не успевшая обрасти броней - казалась сейчас самым дорогим, что у Лены вообще когда-либо было. Это была она сама. Та, из восьмилетнего возраста, которую она так тщательно прятала за железными дверями своего контроля.

На рассвете, когда небо над городом стало прозрачно-серым, Лена впервые за пятнадцать лет заплакала. Беззвучно, крупными слезами, которые смывали эту многолетнюю, въевшуюся в кожу пыль войны с окружающим миром.

Но она не сломалась. Кодекс остался на месте. Просто вектор изменился.

Вместо работы Лена поехала к круглосуточному цветочному магазину. Купила огромный, тяжелый букет нежно-розовых пионов. Завела машину и поехала на другой конец города - к маме. Без предупреждения и звонков.

Мама открыла дверь в старом халате, заспанная, растрепанная. В глубине прихожей Лена увидела отца - они съехались обратно пару лет назад, на пенсии, тихие, постаревшие, давно растерявшие былую злость.

Мама испуганно захлопала глазами, переводя взгляд с огромного букета на дорогую куртку дочери.

- Леночка... Что случилось? Что-то на работе? Ты здорова? Мы с папой тебя не ждали...

Лена сделала шаг вперед, перешагивая порог, обняла маму вместе с этими пионами, уткнулась носом в её плечо, пахнущее старым домом, и тихо, но железно сказала:

- Мама, не бойся. Я тебя защищу.

Мир больших ног и теплого одеяла

Мир устроен очень просто. В нем есть Большой Великан, который пахнет улицей и сухими хрустящими штуками, и есть Мой Великан - Моя Хозяйка. Она пахнет лавандой, утренним солнцем и самым вкусным на свете мягким сыром.

Когда они ходят по квартире, я бегаю за их ногами. Ноги у них огромные, как деревья в парке, но я их совсем не боюсь. Я их люблю.

Каждое утро начинается одинаково. Моя Хозяйка открывает глаза, и я сразу прыгаю на кровать. Я не умею говорить, как они, но я очень громко машу хвостом - этот стук по одеялу означает: «Привет! Ты проснулась! Какое счастье!» Она улыбается, тянет ко мне руки, и я подставляю ей шею. Она чешет за ухом, и в этот момент мир становится абсолютно правильным.

Правда, иногда случается страшное. Меня несут в ванную. Ванная - это ужасное место, где шумит белая злая вода. Я замираю, поджимаю хвост и стараюсь стать как можно меньше. Я не понимаю, зачем Великаны это делают, ведь я и так чистая! Но когда меня заворачивают в пушистое полотенце и Моя Хозяйка говорит: «Кто тут у нас такая чистая девочка?», я забываю про страх. Особенно если за это дают маленькую сушеную утку. За утку я готова простить им даже мокрые лапы.

Потом мы идем гулять. На улице я преображаюсь. На самом деле я очень маленькая, я знаю это. Но на улице я становлюсь Львом. Вокруг ходят чужие, незнакомые люди - они такие огромные! Я должна защитить моих Великанов. Я встаю впереди, натягиваю поводок и лаю изо всех сил:

- Гав! Ру-ру-гав! Не подходите! Это мои люди! Я их охраняю!

Моя Хозяйка тихонько смеется и тянет поводок обратно: «Ну тихо, тихо, защитница». Она думает, это игра, но я-то знаю, что спасаю нам жизнь.

Самое лучшее время - это день. Когда Хозяйка садится на диван, я сажусь напротив. Я сажусь очень прямо, поднимаю уши и смотрю ей прямо в глаза. Я умею смотреть так, что сыр в холодильнике сам начинает скучать по мне. Я перевожу взгляд с её лица на кухню, потом обратно. Это работает почти всегда. Она вздыхает, идет на кухню, и - о чудо! - на полу оказывается кусочек вкусного.

А когда она ложится отдохнуть, у меня появляется самая важная задача. Я аккуратно, чтобы не потревожить, забираюсь к ней в ноги. Я сворачиваюсь тугим теплым клубком, утыкаюсь носом в свои лапы и засыпаю. Рядом с её ногами мне всегда снятся прекрасные сны: про бесконечное лето, про бабочек, которые не умеют быстро летать, и про целые горы вкусняшек.

Но сейчас наступает то время, которое я не люблю.

Моя Хозяйка надевает уличную обувь. Это самый плохой

знак. Я кручусь у её ног, заглядываю в глаза, пытаюсь поймать её руку губами: «Не уходи, останься, нам же так хорошо вдвоем!» Она присаживается на корточки, целует меня в нос и говорит: «Я скоро. Жди».

Щелкает замок. Дверь закрывается.

В квартире сразу становится очень тихо. Большие часы на стене начинают громко стучать. Я подхожу к двери, шумно вздыхаю и ложусь прямо на коврик, уткнувшись носом в щель под дверью. Оттуда едва уловимо пахнет её духами.

Мне немного страшно. Мой маленький собачий ум не знает, что такое «работа» или «дела». Для меня есть только «здесь» и «где-то там». Вдруг в этот раз она ушла навстречу тем огромным чужакам на улице и потерялась? Вдруг она не вернется никогда-никогда? От этой мысли внутри меня всё сжимается, и я кладу голову на лапы.

Но одновременно с этим страхом во мне живет огромное, теплое чувство. Настоящая надежда.

Потому что я точно знаю, что будет потом. Пройдет время, за дверью раздадутся тяжелые шаги. Загремят ключи. Дверь распахнется, и на пороге появится Она. Она бросит сумку, опустится на колени прямо на этот коврик, и я взлечу ей на грудь. Я буду лизать её в щеки, в нос, в подбородок, я буду крутиться волчком и издавать тонкие, плачущие звуки - я буду рассказывать ей, как сильно, как невыносимо скучала каждую секунду.

Это будет абсолютное, чистое счастье. Ради которого сто-

ит посидеть на коврике у двери.

Я закрываю глаза и начинаю ждать.

Две конфеты для двоих

Чемодан на колесах, ноутбук, папка с документами для филиала. Настя держалась за ручку со всей силой, на которую были способны затекшие пальцы. Шел четвертый месяц. Тошнило третью неделю подряд, но Настя не привыкла раскисать. В компании ее ценили за автономность. Нужно лететь - она летит. Командировка важная, контракт жесткий, подводить людей нельзя. Беременность это ведь не болезнь.

Очередь на регистрацию в терминале тянулась медленно. Вокруг стоял ровный гул: объявления рейсов, шуршание сумок, обрывки чужих разговоров. Воздух был тяжелым и душным. Воды с собой не было. Отойти из очереди - значит опоздать на посадку.

«Еще минут десять, - на автомате думала она, глядя в спину стоящего впереди мужчины. - Сейчас сдам багаж и куплю сок. Надо просто достоять».

Внезапно спина мужчины поплыла в сторону. Звуки аэропорта стали глухими. Ноги обмякли, а перед глазами стремительно закрутилась черная воронка. Настя попыталась удержаться за чемодан, но пальцы соскользнули.

Мир просто выключился.

...Первое, что вернулось - ощущение холодного гранитного пола под щекой. Вокруг суетились. Кто-то приподнял ее за плечи, мужчина впереди испуганно повторял: «Девушка,

вам плохо? Врача позвать?»

Настя открыла глаза. Зрение возвращалось сквозь серую дымку. Голова гудела. Было неловко: она лежит на полу у всех на виду, беспомощная.

И вдруг прямо перед ее лицом появилась рука.

Обычная мужская рука. На раскрытой ладони спокойно лежали две большие конфеты - халва в шоколаде.

В любой другой ситуации Настя никогда бы не взяла еду из рук незнакомца в аэропорту. Но сейчас тело сработало само, на чистых инстинктах. Настя дотянулась, взяла одну конфету, сорвала фантик и откусила половину. Твердая, при- торно-сладкая халва мгновенно убрала горький привкус об- морока. Через минуту в голове прояснилось, по телу пошло тепло.

Настя поднялась, опираясь на подошедшего сотрудника терминала. Вокруг толпились пассажиры, кто-то протягивал пластиковый стакан с водой, мужчина из очереди продолжал давать советы. Настя посмотрела на его руки - они были пусты. Она огляделась, пытаясь отыскать того человека с конфетами, но вокруг стояли совершенно одинаковые, занятые своими делами люди с чемоданами. Никто не смотрел на нее в ожидании «спасибо».

Настя сжала в кулаке вторую, несъеденную конфету и опу- стила ее в карман.

Сидя в медицинском кресле-каталке, Настя смотрела на спешащую мимо толпу. Огромный, чужой аэропорт больше

не казался ей опасным или безразличным. Она была здесь не одна.

Она потрогала конфету в кармане и тихо спросила у везущего ее фельдшера:

- Скажите, ангелы существуют?

Правила игры

В районной библиотеке всегда пахло одинаково: старой бумагой, сухим теплом батарей и немного мастикой для пола. Для него этот запах был лучшим в городе. Здесь всё подчинялось строгой классификации, каталогам и тишине. Люди снаружи казались ему слишком хаотичными, непредсказуемыми и шумными, поэтому книгам он доверял гораздо больше.

Последний год он читал только об Ассирии. Древняя, жестокая и величественная цивилизация затянула его целиком. Из всех авторов, писавших на эту тему, он выделял одного - точнее, одну. Историк с инициалами И. О. Ее монографии и исторические романы были лишены академической сухости; в ее текстах выжженная солнцем Месопотамия оживала так пронзительно, словно автор сама ходила по улицам Ниневии. Странно, но ее новые работы появлялись в этой небольшой библиотеке быстрее, чем в книжных магазинах или сети.

Там же он часто видел женщину. Она была совершенно обычной - неброское пальто, мягкий шарф, собранные в пучок волосы. Она всегда крутилась у стойки выдачи, сдавая или принимая стопки детских сказок. Он невольно прислушивался к ее голосу. Она подолгу обсуждала с пожилой библиотечаршей какие-то книжки с картинками, заливисто смеялась и рассказывала, как ее маленький сын рассуждает о

приключениях гномов или драконов.

У нее был ребенок, наверное, был и муж. Он не собирался делать никаких шагов - чужая семейная жизнь его не интересовала, да и дистанцию он держать умел.

Всё изменил случай. Они одновременно оказались в очереди у формуляров. Женщина мельком взглянула на тяжелый кирпич монографии в его руках и негромко спросила:

- А что это вы такое интересное читаете?

Он обернулся, внутренне колючась. Рассказывать о клинописи и царе Ашшурбанапале в очереди казалось глупостью. Но он всё же ответил. Женщина искренне удивилась:

- Ассирия? Надо же, какой специфический выбор. Мне всегда казалось, это может быть скучно.

Его это задело. Скучно? Да они просто ничего не знают!

- Это не скучно, - резко, почти сердито оборвал он её. - Это потрясающе. Если хотите, мы можем выпить кофе здесь за углом, и я докажу вам, что вы ошибаетесь.

Она не испугалась его напора. Лишь спокойно улыбнулась и кивнула:

- Хорошо, давайте попробуем.

В маленькой кофейне напротив он говорил много и ярко. Он пытался обратить её в свою веру, горячился, жестикулировал и, сам того не замечая, абзацами цитировал свою любимую писательницу И. О. - её образы были самыми точными. Женщина слушала молча. Она ни разу его не перебила, не вставила ни одного комментария, только смотрела на него

тихими, внимательными глазами и пила свой капучино.

Эти встречи в кафе стали регулярными. Они не обсуждали работу, политику или личную жизнь - у них был свой мир, выстроенный вокруг древней истории. У него наконец-то появился идеальный слушатель. Иногда он ловил себя на мысли, что не знает, интересно ли ей на самом деле или она просто проявляет вежливость, но остановиться уже не мог.

Через два месяца он пришел в библиотеку сдавать очередную до дыр зачитанную книгу. Возвращая её через стойку, он в сердцах пожаловался библиотекарше:

- Ну сколько можно ждать? Прошлый роман И. О. выпустила за полгода, а тут уже несколько месяцев ни слуху ни духу. Почему она стала так долго писать?

Пожилая библиотекарша поверх очков посмотрела на него с искренним удивлением.

- Молодой человек, - вздохнула она, - если бы вы перестали так усердно отвлекать нашу Ирину Олеговну, возможно, она писала бы быстрее.

Он застыл.

- В каком смысле - отвлекать?

- В прямом, - библиотекарша покачала головой. - Ей и так непросто, она одна растит сына, крутится как может. А теперь ещё и вы забрали у неё всё свободное время. Трудно, знаете ли, три раза в неделю ходить на свидания и одновременно писать исторические романы.

Мужчина промолчал. В голове со щелчком сложился

пазл: И. О., детские книжки для сына, новые романы, появляющиеся здесь первыми, и её абсолютное, глубокое молчание во время его пламенных монологов. Она слушала, как он пересказывает ей её же собственные мысли.

На следующую встречу в кафе он пришел заранее. На нем был его лучший костюм, а в руках он держал огромный, безупречный букет цветов.

Когда Ирина вошла и удивленно посмотрела на его торжественный вид, он не стал ничего объяснять или устраивать сцен. Он просто сел напротив, бережно положил букет на стол и сказал:

- Знаете, если вам нужно немного свободного времени на себя... я бы с огромным удовольствием погулял или позанимался с вашим сыном.

Она внимательно, глубоко посмотрела в его глаза, словно проверяя правила этой новой игры на прочность. А потом спокойно ответила:

- Можно прямо сейчас.

Подлинная страсть

Окно было распахнуто настежь. Несмотря на ранний час, с улицы уже тянуло плотным, совсем летним теплом. Он стоял перед открытым окном, держа в руках большую металлическую кружку. Внутри был черный, густой, сваренный вручную кофе - пожалуй, единственная из его настоящих, подлинных страстей.

Он пил медленно, маленькими глотками, никуда не торопясь. Спешить было некуда. Он смотрел во двор своего дома сверху вниз - район только просыпался, между припаркованными машинами было пусто, тихо и безразлично.

Вдруг его взгляд зацепился за движение в дальнем углу. На спортивной площадке усердно занималась молодая женщина. Волосы собраны в тугий хвост, простые движения. Он удивленно зафиксировал этот факт: жил здесь столько лет, но даже не замечал, что во дворе вообще есть тренажерная секция.

Женщина двигалась ритмично, сосредоточенно и очень старалась. Было видно, как тяжело ей дается каждое движение, как дрожат мышцы, но она упрямо подходила к перекладине турника снова и снова, буквально вырывая у этого утра каждый свой вдох и каждое усилие. В ней было столько цепкой, злой, заразной жизни, что он не смог отвести глаз.

Он допил кофе как раз в тот момент, когда она закончила, подхватила бутылку с водой и скрылась в подъезде дома. Площадка опустела.

Он посмотрел вниз, на серый асфальт. Потом перевел взгляд на пустую кружку.

Аккуратно закрыл окно, слез с подоконника внутрь комнаты и поставил кружку на стол. Сердце стучало тяжело и отчетливо. Он взял телефон и набрал номер.

- Здравствуйте, я бы хотел восстановить абонемент. Да, с сегодняшнего числа, на год. Спасибо, подготовьте, пожалуйста, договор, приеду через час.

Алгоритм

Он привык доверять цифрам. В его мире всё, что имело вес, поддавалось анализу, а любые риски можно было минимизировать правильным расчетом. Когда он стал замечать, что в их стабильных, ровных отношениях с Кристиной появилась едва уловимая трещина - словно ей стало немного скучно рядом с ним, - он не устроил сцену и не впал в панику. Он поступил как современный человек: обратился к технологиям.

Он прогнал огромный массив данных через продвинутого ИИ-агента. Анализировалось всё: её психотип, история публикаций в соцсетях, геолокации любимых мест, семейный бэкграунд её состоятельных родителей, малейшие изменения в интонациях её голосовых сообщений. Нейросеть выдала точный, выверенный план с вероятностью успеха 94 %.

Стратегия была безупречной: нужно сделать предложение руки и сердца прямо сейчас. Свадьба, скорая беременность. Таким образом он решал сразу все задачи: удерживал девушку, которую искренне любил, мягко и органично входил в элитную семью и полностью обеспечивал свое финансовое будущее.

Каждая деталь грядущего вечера сверялась с ИИ. Локация, свет, музыка, меню, даже правильный оттенок коробочки для кольца - алгоритм учел все её привычки. Это было

идеальное предложение.

Он сделал его. Она посмотрела на кольцо, затем ему в глаза, и тихо сказала:

- Нет.

В этот момент его идеальный, просчитанный до мелочей мир с грохотом рухнул. Они расстались сразу же, без долгих выяснений отношений. Самое страшное заключалось в том, что винить было некого - никто не был виноват. Алгоритм не учел лишь одного: живые люди имеют право передумать без видимых на то причин.

Наступили месяцы глухой, беспросветной тоски. Он существовал на автопилоте, пока однажды тот же самый ИИ-агент, анализируя его упадочные биометрические показатели и поисковые запросы, не выдал неожиданную рекомендацию: «Для сублимации депрессивного состояния попробуйте переносить свои эмоции на холст. Продажа любительского искусства в интернете сейчас имеет стабильный спрос, это поможет компенсировать просадку в доходах».

Деньги действительно были нужны. Он купил мольберт, акрил, текстурную пасту и заперся в квартире.

То, что выходило из-под его кисти, не имело ничего общего с его прежней системной жизнью. Это был чистый, первобытный хаос. Дикие, рваные линии, кричащие слои краски, анатомические изломы - он буквально сдирает с себя кожу и переносит свою кровоточащую душу на холсты. Он перестал думать. Он просто выплескивал ад, скопившийся внутри.

Удивительно, но ИИ оказался прав. Его работы начали покупать. Сначала за бесценок, потом чуть дороже. Людей цеплял этот неприкрытый, честный надрыв. Через полгода картин накопилось столько, что он решился организовать маленькую выставку. Ничего помпезного - просто один небольшой арендованный зал со светлыми стенами, пахнущий свежим кофе и растворителем.

Выставка открылась, пришли люди. Чтобы сделать пространство более живым и интересным для посетителей, он оборудовал свое рабочее место прямо в центре зала. Он поставил мольберт и объявил, что готов бесплатно написать маленькую миниатюру лично для каждого желающего.

Один за другим к нему подходили незнакомцы. Он долго всматривался в их лица, пытаясь уловить их внутреннее состояние, и за несколько минут создавал для них быстрые, емкие наброски.

В стороне, у самой дальней стены, стояла девушка. Она долго наблюдала за его работой, переходя от одного холста к другому, и, наконец, когда поток людей иссяк, решилась подойти.

- А что вы могли бы написать для меня? - тихо спросила она.

Он поднял глаза. Он смотрел на нее очень долго - не так, как раньше, без попытки сканировать, просчитать её статус или угадать ожидания. Он просто созерцал её масштаб.

Затем он взял чистый небольшой холст, обмакнул кисть

в краску и начал творить. Рука двигалась уверенно, без черновиков. Когда он закончил, он не дал краске высохнуть - просто развернул картину к ней и протянул.

Девушка взяла холст в руки. На нем не было пейзажа или абстрактного портрета. Через весь холст размашистыми, яркими разноцветными линиями был выведен один-единственный одиннадцатизначный номер телефона. Его номер.

Он посмотрел на нее спокойно, с тем глубоким внутренним достоинством, которое рождается только после полной катастрофы:

- Это мой номер. Вы можете просто повесить эту картину на стену как сувенир. Или использовать номер, чтобы мне позвонить. Смотря что для вас в этом более важное. Я буду ждать.

Сказки для Тани

«Я всегда любила Фета, его стихи лишали воли, заставляли поверить в волшебство, в сказку без боли и потерь. Теперь я его не читаю, мне стал ближе Блок».

Мысль оборвалась, как только колени Тани мягко ткнулись в резиновое покрытие площадки. Анна не вскрикнула, не бросилась истерично на помощь, как сделали бы другие матери. Она просто сделала три шага вперед, опустилась на корточки и аккуратно подняла девочку за локти. Осмотрела ладони - целы. Поправила трикотажные колготки. Таня не плакала; она вообще редко издавала звуки, только смотрела перед собой огромными, прозрачными глазами, в которых словно застыл один и тот же немой вопрос.

- Всё хорошо, маленькая, - тихо сказала Анна, и её голос прозвучал очень ровно - Иди покатайся на горке.

Таня послушно побрела в сторону пластикового городка, раскачиваясь всем телом.

Анна выпрямилась. Солнце отражалось от панорамных окон дома, бросая яркие, почти агрессивные блики на детскую площадку. Вокруг звенели чужие голоса, мамы из соседних подъездов негромко обсуждали доставку продуктов и новые секции. Анна стояла в стороне. На ней было простое, но безупречно скроенное темное пальто идеально подходящее к весенней, ещё прохладной погоде, но не очень подхо-

дящее к прогулкам на детской площадке. Она не проверяла телефон, не искала чужих взглядов. Она просто была здесь - корректная, вежливая, если к ней обращались, но абсолютно непроницаемая.

В кустах у кованого забора возилась Жужа - длинная, нескладная собака с клочковатой шерстью. Она была без поводка. Соседи не раз просили Анну - сначала мягко, потом с раздражением - привязывать животное. Жужа могла без причины закрывать на других собак или даже попробовать укусить. Вреда от нее никогда не было, но сама эта непредсказуемость пугала. На людей Жужа внимания не обращала, а ее хозяйка никогда ни с кем не спорила. Она слушала претензии с вежливым, чуть наклонённым набок лицом, а потом просто разворачивалась и уходила. Это молчание раздражало куда сильнее, чем любой скандал.

Пётр, мужчина из тридцать четвертой квартиры, сегодня был не в духе. Анна заметила его краем глаза - он быстрым шагом шёл через площадку, держа на коротком поводке своего упитанного французского бульдога. Жужа, заметив их, глухо зарычала, не вылезая из травы.

- Анна, добрый день, - Пётр остановился в паре метров, его голос был подчеркнуто громким. - Мы ведь договаривались. Собака должна быть на привязи. Здесь играют дети. Ваша дочь, в конце концов, тоже здесь.

- Здравствуйте, Пётр, - Анна ответила спокойно, глядя ему прямо в глаза. - Жужа не отходит от забора. Она не при-

чинит вреда детям, вы же знаете.

- Это животное, Анна. У него свои инстинкты, - Пётр нахмурился, его задевал этот её ровный, учительский тон. - Если у вас нет повода, я могу одолжить. У меня как раз есть запасной, я готов его вам даже подарить.

Анна ничего не ответила. Она просто повернулась к Тане, собираясь позвать дочь и уйти домой. Командировка мужа, счета, английская онлайн-школа дочери - у неё было слишком много забот, чтобы тратить силы на споры о собаке.

Но Пётр расценил её разворот как крайнюю степень презрения.

- Нет, подождите, - буркнул он.

Он сделал три быстрых шага к кустам, поймал Жужу за ошейник. Собака дернулась, но Пётр, перехватив её поудобнее, вытащил из кармана куртки тонкий брезентовый шнур с металлическим карабином. Он быстро обернул его вокруг толстой железной стойки забора и с резким, сухим щелчком застегнул на шее Жужи.

- Посидит так полчаса, ничего с ней не...

Он не договорил.

Жужа не просто заскулила. Из её пасти вырвался страшный, утробный, почти человеческий вой - так воют звери, попавшие в капкан, когда над ними уже занесено ружье.

И в ту же секунду за спиной Анны раздался крик Тани. Девочка упала на колени, закрыла уши руками и закричала - пронзительно, на одной безумной ноте, сдирая горло.

Анна сделала шаг к дочери, но её колени подкосились. Лицо, ещё секунду назад бывшее безупречным, вдруг стало белым, губы посинели. Она упала на резиновое покрытие площадки плашмя, даже не выставив вперед руки, чтобы смягчить удар. Глаза её были открыты, но смотрели в пустоту. Она отключилась мгновенно, словно в её голове просто перерубили главный кабель.

- Да что с ними такое?! - Пётр сделал шаг назад, бледнея. Окружающие мамы повскакали со скамеек. Кто то сказал "вызовите скорую!"

Из-за угла дома, со стороны парковки, быстрыми шагами шёл Олег - мужчина лет сорока, сосед Анны по этажу.

В два счета он оказался у забора, одним движением нажал на карабин, освобождая Жужу. Собака тут же смолкла, забилась под скамейку и задрожала всем телом. Олег перешагнул через обмякшую Анну, опустился перед бьющейся в истерике Таней и крепко, но бережно прижал девочку к себе, закрывая ей обзор.

- Тихо, Танечка, тихо, маленькая. Всё, щелчка нет. Машина открыта. Всё хорошо, - шептал он, раскачиваясь вместе с ней. Ребёнок, почувствовав сильные руки, начал затихать, переходя на судорожные всхлипы.

Олег повернулся к ошарашенному Петру. Глаза Олега были холодными и злыми.

- Помоги поднять Анну, - коротко бросил он. - И не забудь её сумку. Быстро.

Пётр, подчиняясь этому тону, подхватил вещи. Вместе они довели ещё полубесчувственную Анну и притихшую Таню до лифта. Олег забрал у Петра ключи, открыл дверь пугающе идеальной квартиры, где всё блестело чистотой, и зашёл внутрь, оставив Петра на пороге.

Вечером Пётр не выдержал. Он не мог ни спать, ни есть. Он спустился на этаж Олега и нажал на звонок. Олег открыл дверь не сразу. На нём были домашние брюки и простая футболка. Увидев Петра, Олег не удивился. Он просто шире распахнул дверь и кивнул в сторону глубины прихожей.

- Заходи.

Они сели на кухне. Пётр чувствовал себя очень виноватым, но совершенно не мог понять в чем именно

- Олег, я... я же не знал, - выдавил Пётр, глядя в чашку с водой, которую хозяин дома молча поставил перед ним. - Ну сумасшедшая баба, думал. Собака эта вечно без поводка, на замечания ноль эмоций, сидит в своей скорлупе. Дочка странная... Я просто хотел, чтобы всё по правилам было. Что с ней случилось? Почему она в обморок упала? От простого щелчка?

Олег опёрся поясницей о кухонный гарнитур, скрестил руки на груди и посмотрел на Петра долгим, тяжелым взглядом.

- Четыре года назад, Петь, - тихо сказал Олег. - Трасса М-4. Они ехали из отпуска. В них на полной скорости влетел внедорожник. Водитель шёл по встречке. Машину Анны

разорвало пополам. Переднюю часть смяло и подожгло сразу. Там были её муж и двенадцатилетний сын.

Пётр замер, перестав дышать.

- А заднюю часть, - продолжал Олег, и его голос звучал пугающе ровно, - отбросило на обочину, в кювет. Двери заклинило. Анна, маленькая Таня и эта самая Жужа, тогда ещё щенок, оказались заблокированы. В ловушке. Намертво. Заклинило всё - замки, ремни, стёкла. И Анна тридцать минут, пока ехали спасатели, через лобовое стекло смотрела, как горит её муж и её сын. Они не могли выбраться. А она не могла открыть дверь. Понимаешь?

В кухне повисла мёртвая, звенящая тишина. Пётр почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

- Девочка... Таня... она тогда сильно ударилась головой, - негромко добавил Олег. - Плюс шок. Мозг просто заблокировал часть функций, чтобы она не сошла с ума от криков брата и отца. Она с тех пор почти не говорит. А Жужа... Жужа тогда выла. Тридцать минут выла в темноте заблокированного салона, пока металл резали гидравликой. Этот щелчок карабина у забора... для них двоих это был звук закрывающейся ловушки. Звук того, что их снова заперли. Я сам узнал случайно, как то ночью слышал крики девочки, пошел проверить и Аня мне рассказала.

- Господи... - Пётр закрыл лицо руками. Его плечи мелко задрожали. - А муж? Соседи же говорили, что видели его тут? Он же в чате нашем пишет! И счета... она сама говорила,

что он всё оплачивает, что в командировках...

Олег горько усмехнулся.

- Муж погиб на месте. А счета оплачивает тот самый водитель. У него хватило денег и связей решить вопрос с законом. Он предлагал деньги, но Анна не взяла у него компенсацию через суд. Она пришла к нему сама. И сказала: «Ты будешь жить так, как скажу я. До конца своих дней».

Олег сделал глоток из своей чашки.

- Она заставила его имитировать её погибшего мужа. Он сидит в семейном чате дома. Он пишет сообщения, которые она ему велит. Он оплачивает ее квартиру, все счета, любые лекарства для Тани по первому щелчку её пальцев. Он для неё - безликая функция, убийца искупающий грех. Она создала этот фасад «идеальной семьи с мужем в командировке», чтобы никто и никогда не смел её жалеть. Она ненавидит жалость, Петь. Для неё жалость - это признание того, что её жизнь уничтожена. А она держится. Ради дочери. Хотя надежды нет, ты сам видел

Пётр поднял голову. Его лицо было бледным, в глазах стояли слезы.

- Что мне делать, Олег? Как мне... я же жить теперь не смогу, зная это. Как перед ней извиниться?

Олег покачал головой.

- Напрямую не лезь. Извинения ей не нужны, они её только разозлят - она поймет, что я тебе всё рассказал. Думай. Подумай, как сделать её жизнь хоть немного легче, но так,

чтобы её гордость не пострадала. Чтобы это выглядело как случайность или простое совпадение. Я не смог ничего придумать. Я просто это знаю.

Пётр поднялся со стула, постоял молча и вышел из квартиры.

Пётр сидел в своём кабинете. На часах было три часа ночи. Перед ним лежал чистый лист бумаги и обычная шариковая ручка. Он не писал ничего уже лет двадцать, подписи под договорами не в счёт. Пальцы не слушались, в голове было пусто.

Пётр закрыл глаза, вспоминая маленькую Таню, её прозрачные глаза и то, как она раскачивалась на площадке, отрезанная от всего мира. Ей нужна была сказка, где нет ловушек. Где двери всегда открыты.

Он вздохнул, придвинул лист и размашистым, корявым почерком написал:

Он писал долго, зачеркивая целые строчки и тяжело отдуваясь как на пробежке. Сказка получилась простая, немного неуклюжая, но в ней было столько робкой, бережной нежности, на какую этот большой человек только был способен.

«Жила-была маленькая пушистая тучка. Все остальные тучи в небе были большими,

важными и постоянно куда-то спешили. Они ворчали громом и поливали землю холодным дождём. А эта тучка была особенной. Она не умела проливаться дождём, она умела только собирать солнечные лучи и превращать их в тёплый,

ЗОЛОТИСТЫЙ СВЕТ...»

В конце тучка находила маленькую, грустную девочку на земле и согревала её своим теплом, обещая возвращаться каждое утро.

В шесть часов утра, когда дом ещё спал, Пётр тихо, на цыпочках, спустился на этаж Анны. Подкрался к её безупречной, глухой двери. На секунду замешкался, а потом аккуратно приклеил к двери большой белый конверт.

На нём от руки было написано: «Любимой дочке Тане».

Спустя два часа Анна открыла дверь, чтобы вывести Жу-жу. Собака, всё ещё испуганно поджимая хвост, шмыгнула в коридор. Увидев конверт, она застыла. Ледяной прагматизм заставил её нахмуриться - это не могло быть от виновника аварии, тот никогда не писал от руки.

Она надорвала плотную бумагу, достала листы, исписанные крупным, мужским почерком, и начала читать. На её фарфоровом, застывшем лице впервые за четыре года мелькнуло что-то похожее на замешательство. А потом... поджатые губы дрогнули. Она оглянулась на Таню, которая сидела в прихожей и послушно натягивала ботинки.

Декабрь укутал двор дома пушистым, искрящимся снегом. Стеклообразные фасады отражали холодное зимнее солнце.

Пётр вышел из дверей квартиры. На нём была расстёгнутая зимняя куртка, он никуда не спешил, просто шёл к лифту подземного паркинга. За эти полгода он сильно осунулся, взгляд его стал глубже, а в ящике его стола теперь лежали

сотни исписанных страниц. Каждое утро, в шесть часов, белый конверт появлялся на двери квартиры Анны как по волшебству. Об этом не знал никто. Это была его личная, дорогая тайна.

Во дворе, на заснеженной скамейке, активно размахивая пушистыми варежками, стояла Таня. Её щёки горели румянцем, шапка с помпоном съехала набок. Вокруг неё сидели две девочки из дома и слушали, открыв рты. Таня больше не раскачивалась. Она говорила - взхлёб, радостно, перескакивая с одного слова на другое от волнения.

- ...И тогда серебряный олень топнул копытцем, и все-все злые сосульки превратились в леденцы! - звенел её голос на весь двор. - Это моя самая любимая сказка! Она самая-самая лучшая!

Девочка говорила. Свободно и легко.

Чуть поодаль, подперев плечом ствол декоративного клёна, стояла Анна. Всё то же безупречное тёмное пальто, та же гордая, прямая осанка. У её ног в сугробе весело кувыркалась Жужа - без поводка, свободная и счастливая.

Анна смотрела только на свою говорящую дочь. На её фарфоровом лице не было слёз, но ледяная маска прагматизма исчезла, уступив место какому-то новому, живому покою.

Впервые за четыре года её мысли не вернулись к Блоку и мёртвой пустоте. Глядя на то, как Таня смеётся среди детей, Анна вдруг отчётливо, до каждого звука, вспомнила свои

любимые строчки Фета, которые когда-то лишали её воли:

Шёпот, робкое дыханье,

Трели соловья,

Серебро и колыханье

Сонного ручья...

Пока гуляет пес

Мужчина потянул на себя поводок. Его пёс - старый, добродушный лабрадор по кличке Бакс - увлечённо обнюхивал угол бетонного ограждения контейнерной площадки.

Рядом с серым пластиковым баком, на чистом куске картона, стояли женские ботинки. Совершенно новые, глубокого винного цвета, из тончайшей дорогой кожи на изящном каблуке. Они выглядели здесь настолько чужеродно и нелепо, словно их обронила Золушка, спасавшаяся бегством из этого спального московского двора. На них не было ни единой царапины, ни капли грязи. Их просто аккуратно выставили на выброс.

Мужчина остановился, засунул руки в карманы куртки и прищурился. В утренних сумерках, пока Бакс изучал окрестности, в голове сама собой начала выстраиваться история.

Он представил себе хозяйку этих туфель. Ей должно быть около сорока пяти. Успешная, элегантная женщина - назовём её Еленой. Из тех, кто никогда не выйдет за хлебом без идеальной укладки. Любительница театров, литературных чтений, модных галерей. У неё успешный муж и двое детей: младший десятилетний сын и старшая дочь Катя, двадцати одного года.

Вся жизнь Елены всегда шла по строго отрежиссированному сценарию. Но год назад Катя взбунтовалась - уехала в

Санкт-Петербург и поступила в военное училище. Это никак не вязалось с маминым представлением о «правильном» будущем. С тех пор их общение стало натянутым, как струна. Совместных тем не осталось. И когда дочь изредка приезжала в Москву, Елена по привычке пыталась втиснуть её в свои декорации: билеты в консерваторию, выставки, закрытые показы. Одежда для Кати подбиралась соответствующая - правильная, статусная, дорогая. Как эти самые ботинки винного цвета.

На эту неделю Елена задумала идеальный план. Она специально купила мужу и сыну билеты в Китай - показать мальчику исторические памятники, а сама осталась в огромной московской квартире совершенно одна. Впервые за двадцать пять лет брака. Она освободила это время только для Кати, чтобы попробовать наконец поговорить и вернуть дочь.

Но Катя в последний момент сказала, что приехать не сможет.

Елена сидела в звенящей пустоте квартиры, глядя на панорамные окна, когда у неё зазвонил телефон. Это была подруга из Питера, которую Елена просила приглядывать за дочерью. Подруга звонила, чтобы поговорить: «Лена, я её видела. Она не приехала не из-за нарядов или приказов. Она уже полгода встречается с сокурсником, будущим морским офицером. Она просто боится тебе сказать. Боится твоих театров, твоих галерей. Она хочет после выпуска уехать с ним по распределению. Ей не нужны картины, Лена. Она бежит

по утрам в парке и абсолютно счастлива...»

Елена долго молчала после этого звонка. Смотрела на погасший экран телефона и думала, что должна что-то написать дочери, но слова не приходили в голову.

Наконец она решилась. Сообщение выглядело так:

Ответ пришёл мгновенно, как будто дочь также держала телефон в руках:

«Катюша, какую модель кроссовок для бега посоветуешь для начинающих?» «Конечно adidas xxx».

Рано утром курьер привёз заказ. Елена, сидя в своей машине, обратила внимание, как удобно ей в этих новых кроссовках вести машину. Она ввела в навигатор адрес дочери в Питере и написала:

«Шикарные кроссовки, еду чтобы показать и протестировать, через 7 часов встречай маму. Люблю».

Ответ пришёл мгновенно:

«Ура!».

Женщина улыбнулась и, проезжая мимо мусорной площадки, аккуратно поставила свои новые театральные туфли рядом с баком - возможно, они ещё кому-то пригодятся. Впереди была лучшая поездка в жизни.

Мужчина улыбнулся тому, какой интересный образ он только что придумал по одним лишь туфлям. Бакс лениво потянул поводок, приглашая продолжить путь. Собака наконец разгулялась, утреннее время было потрачено с явной пользой, и мужчина спокойно пошёл к своему подъезду.

Подходя к дверям, он заметил у припаркованного автомобиля свою соседку - женщину средних лет, с которой он уже несколько лет послушно здоровался по утрам, но чьего имени так и не узнал. Она как раз закрывала машину со звучным щелчком брелока.

А рядом с ней стояли двое: очень красивая молодая девушка, удивительно похожая на соседку, и высокий молодой курсант в строгой военной форме. Они о чём-то весело переговаривались, и девушка, звонко рассмеявшись, поправила на плече тяжёлую дорожную сумку. На ногах у неё и у её матери были одинаковые белые кроссовки.

Джунгли

В деревню Кирилл приехал на выходные, чтобы переключить голову. После столичного ритма местная тишина казалась ему декорацией, в которой ничего не могло произойти.

С Алёной они познакомились на прогулке у реки. Она была местной, спокойной и немногословной, а Кирилл, напротив, говорил много. Он подробно объяснял ей, что современный город - это жесткие джунгли, где человек обязан иметь характер, держать удар и контролировать любую нестандартную ситуацию.

- Нас в бизнесе тренируют на стрессоустойчивость, - рассказывал он, пока они возвращались по сумеркам к окраине деревни. - Главное - не поддаваться панике. Страх - это просто плохой расчет.

Они поравнялись с глухим забором старой лесопилки, когда из темноты, шумно дыша, вывалился массивный косматый пес. Он заступил им дорогу и низко, утробно зарычал.

- Он огромный, - негромко сказала Алёна, остановившись. Стрессоустойчивость Кирилла отключилась мгновенно. На чистых рефлексх он перехватил девушку за локти, рванул её на траекторию пса, фактически закрывшись ею, а сам резко развернулся и побежал назад, к освещенному перекрестку. Он не оборачивался, пока за спиной не стихли все звуки.

На следующий день Кириллу было не по себе. Образ мужчины, контролирующего джунгли, дал глубокую трещину. Около полудня на центральной улице он встретил девушку, как две капли воды похожую на Алёну, только постарше.

Кирилл подошел, стараясь сохранять уверенный вид:

- Добрый день. Вы, должно быть, сестра Алёны? Мы вчера гуляли, и там... форс-мажор случился. Огромная собака, бросилась на нас из-за забора. Я рванул за подмогой, но связь тут не ловит. С Алёной всё в порядке? Пёс её не укусил?

Сестра поставила на землю сумку, смирив Кирилла долгим взглядом и удивленно подняла брови:

- Укусил? С какой стати наш Полкан должен кусать Алёну? Это наш пёс, он её с детства знает.

Кирилл сглотнул.

- А зачем он тогда... так рычал и пошел на нас?

- На нас? - сестра усмехнулась. - Он пошел на вас. Полкан - пёс серьезный, чужих не любит. Он просто увидел, что рядом с Алёной в темноте идет какой-то незнакомый мужик, руками размахивает и громко разговаривает. Вот и пошел проверить, нет ли угрозы. Как видите, угрозы не оказалось. Хорошего дня.

Неоконченная статья

Часть 1. Транзит

В беговых пабликах и профессиональных спортивных сообществах Илью Смирнова ласково, но с долей скепсиса звали «Транзитом». О нём спорили в комментариях под каждым разбором экипировки, его треки GPS препариовали тренеры, но логика ускользала от всех. Мужчина с сухим, поджарым телом профессионального марафонца и пугающе стабильным пульсом занимался откровенной ерундой.

Он не заявлялся на официальные старты. Не покупал слоты на коммерческие ультрамарафоны. Не сотрудничал с брендами кроссовок, хотя стаптывал их десятками. Его формат был до странного прямолинеен: он выбирал на карте России город, приезжал туда, вставал у белого дорожного знака на въезде и бежал населенный пункт насквозь - до знака на выезде. На время.

Спортивного смысла в этом не было никакого. Города не поддавались стандартизации. Как сравнивать транзит по плоскому, вытянутому вдоль Волги Тольятти с бегом по холмистой Костроме или рваному рельефу Владивостока? К тому же, бегать по загазованному асфальту вдоль оживленных проспектов, дыша выхлопными газами машин и лавируя между пешеходами - это было максимально далеко от понятия «здоровый образ жизни». Профессионалы крутили

пальцем у виска, любители видели в этом изощренную форму хайпа.

Сам Илья в дискуссии не вступал. Раз в несколько дней в его пустом профиле появлялось новое видео. Без музыки, без фильтров, без пафосных подписей - просто технический отчет. Камера, закрепленная на груди, монотонно фиксировала то, что происходило перед ним на скорости двенадцать километров в час: серый утренний смог, обшарпанные заборы промзон, вывески продуктовых магазинов, лица людей на автобусных остановках. На комментарии, личные сообщения и предложения дать интервью Илья не отвечал никогда. Причина этой многомесячной изнуряющей гонки оставалась неизвестной. Однако подписчики в его блоге приростали с невероятной скоростью.

Часть 2. Редакция

Кабинет Елены Сергеевны выглядел наполовину выпотрошенным. На стенах остались лишь блеклые квадратные следы от снятых дипломов и благодарственных писем, а у двери стояли две большие коробки, уже запечатанные широким коричневым скотчем. Сама она сидела за абсолютно чистым столом, на котором не осталось ничего, кроме рабочего ноутбука.

Через три дня - самолет. Свадебное путешествие, переезд, новая, предсказуемо благополучная жизнь в другой стране. Жизнь, в которой больше не будет планерок, ночных дедлайнов и бесконечной аналитики крупного спортивного из-

дательства. Этот номер журнала был её лебединой песней, финальной точкой, которую хотелось поставить красиво.

Кира вошла без стука. В руках она бережно несла распечатанную верстку и флешку с медиафайлами. Она тяжело опустилась на стул напротив начальницы и с гордым видом придвинула к ней материалы.

- Елена Сергеевна, я всё сделала. Как вы и просили - максимально быстро, в один присест. Тут готовый текст, фотографии с его последнего отрезка в Ярославле и видео, которое сняли местные ребята на финише у городского знака.

Елена Сергеевна не ответила. Она молча потянула к себе листы. С фотографии на неё смотрел Илья Смирнов. Лицо обветренное, взгляд устремлен куда-то сквозь камеру, на губах - запекшаяся от обезвоживания корка. На видео, которое Кира запустила на планшете, он бежал по разбитому тротуару провинциальной окраины. Но самое странное - он не смотрел под ноги. Его голова была повернута к редким прохожим. Он вглядывался в их лица на скорости. Жадно, почти безумно.

Кира говорила быстро, боясь не успеть до того, как начальница подпишет номер и окончательно выключит телефон:

- История - бомба, вы будете довольны. Мы успеваем в этот номер. Я раскопала, почему он вообще начал. Оказывается, несколько лет назад он случайно познакомился с девушкой. Толком ничего о ней не узнал, они почти сразу рас-

стались, связь потерялась. Но она ему тогда что-то сказала про спорт, про бег... И парень сошел с ума. Он не знает, из какого она города в России. Вообще. И он решил пробежать каждый город в стране насквозь. Он думает, что если останется - то всё, уже никогда её не найдет. Представляете, какой нелепый, романтический психоз? Все думают - атлет, железный характер, а он просто ищет человека на асфальте. Публикуем? Я знаю, что вы спешите, чемоданы, билеты...

Елена Сергеевна не двигалась. Она смотрела на экран планшета, где Илья Смирнов в сотый раз пробежал мимо обшарпанного бетонного забора.

В кабинете повисла странная, густая тишина. Было слышно только, как тихо, на одной ноте, гудит кондиционер.

Елена Сергеевна медленно опустила взгляд на свои руки. На её безымянном пальце тускло блеснуло тяжелое помолвочное кольцо. Она принялась медленно, задумчиво крутить его вокруг фаланги, словно проверяя, плотно ли оно сидит.

Прошло минуты две. Кира начала неловко переминаясь с ноги на ногу, не понимая затянувшейся паузы. Наконец Елена Сергеевна подняла глаза.

- Нет, Кира, - тихо, но отчетливо произнесла она. - Такие истории требуют больше времени для проработки. Мы не будем это публиковать сейчас.

- Но как же... - Кира растерялась, её голос дрогнул. - Вы же уезжаете. Номер сдавать завтра. Текст полностью готов, тут менять нечего, всё проверено!

Елена Сергеевна закрыла ноутбук. Звук захлопнувшейся крышки прозвучал в пустой комнате как выстрел. Она еще раз посмотрела на распечатанное фото высушенного, измотанного бегуна, который прямо сейчас где-то стирал кроссовки о чужой асфальт.

- Здесь есть что менять. Я сама с ним встречаюсь. И сама задам ему дополнительные вопросы.

Часть 3. Бар

Три года назад в этом баре было так же душно и шумно. Здесь встречались и расставались, находили собеседника на пять минут или даже на всю ночь. Модное место, без истории, но полное жизни.

Парень за стойкой оказался приятным собеседником. Обычный, с открытым взглядом и легкой улыбкой. Из тех, чьи имена забываешь на следующее утро, если не записать их в телефон.

Они говорили ни о чём. Флиртовали, смеялись над глупыми шутками бармена. Девушка пила легкое вино и в какой-то момент, поддавшись минутному настроению и желанию казаться глубже, чем она есть, пафосно произнесла:

- Терпеть не могу мужчин без стержня. Вот спорт - это показатель. Сильные мужчины всегда бегают. В беге есть какая-то чистая, первобытная дисциплина. Я бы, наверное, смогла пойти за человеком, который способен пробежать весь мир. Ведь спорт это и моя жизнь.

Она сказала это легко, со смешком, крутя в пальцах пу-

стой бокал. Это была просто удачная фраза, вычитанная когда-то в плохой психологической статье, брошенная ради поддержания разговора. Она не вкладывала в нее ни капли личного смысла. Парень посмотрел на неё серьезно, как-то слишком внимательно, словно пытался заучить эти слова наизусть, но ничего не ответил. Только мягко улыбнулся.

А потом у неё в сумочке зазвенел телефон. На экране высветилось имя главного редактора. Девушка выругалась про себя, залпом допила вино и поднялась со стула.

- Мне нужно ответить, тут по работе горит, - бросила она на ходу. - Я сейчас вернусь.

Парень кивнул и поднялся, показывая на пачку сигарет:

- Я пока выйду покурить на крыльцо. Извини, это не очень спортивно.

Она вышла во внутренний дворик с телефоном у уха, выслушивая крики начальства о рухнувшем сервере и потерянных материалах для номера. Проблему нужно было решать немедленно, в редакции объявили общий сбор. Она вернулась в зал, наспех бросила на стойку несколько купюр за свой бокал, подхватила плащ и выскочила через черный ход, где уже парковалось такси. На крыльце парня не было - видимо, он ушел курить к главному входу.

Контакт оборвался мгновенно, без прощания, без обмена номерами. На следующий день сервер починили, жизнь закрутилась со своей обычной сумасшедшей скоростью, и этот душный вечер стерся из её памяти, как десятки ему подоб-

ных.

Условие выхода

Часть 1. Последний вопрос

Он был самым богатым человеком на Земле.

Это знали немногие.

Ещё меньше людей знали, что большинство крупнейших открытий последних тысячелетий были оплачены его деньгами.

Он никогда не стремился к власти. Она просто была самым эффективным инструментом. Налоги, законы, границы государств и сами правители стоили гораздо меньше, чем реактивы в лабораториях, и покупались оптом, чтобы не отвлекать от главного.

Он не старел. Не болел. Не спал. Не нуждался в пище и питье. Любое повреждение тела - от глубокого пореза до сквозного ранения - исчезало за доли секунды, оставляя лишь гладкую, безупречную кожу. Он уже перестал считать прожитые века и тысячелетия. Цифры стёрлись, как стираются надписи на надгробиях тех, чьи имена он когда-то пытался помнить.

Сегодня человечество наконец закончило строительство машины, ради которой он финансировал поколения учёных, двигал вперёд кремниевую индустрию и выжигал целые научные институты в погоне за мощностью процессоров.

Совершенный искусственный интеллект.

Он вошёл в подземный зал один. Двери из тяжёлого композита отсекали гул охлаждающих систем. Он сел напротив матового чёрного экрана, который занимал всю противоположную стену. Воздух пах озоном и новой пластмассой.

Экран моргнул, оживая мягким белым свечением. На панели управления загорелся индикатор готовности.

Он не стал представляться. Машина и так знала о нём всё, что было записано в терабайтах зашифрованных баз данных. Он просто выдохнул в пустоту зала единственный вопрос. Вопрос, который носил в себе дольше, чем существовали современные языки.

- Как мне умереть?

Часть 2. Материалы дела

ИИ попросил время.

Не минуты. Дни. Потом недели. Потом месяцы.

Огромный кластер процессоров, погребённый под толщей гранита, гудел работая на пределе своих сверхвозможностей. Но пока машина считала, она не молчала. Она задавала вопросы.

Интерфейс не использовал синтезированный голос - на экране просто появлялись строгие строчки текста. И вопросы эти были странными. Они были о нём самом.

«Зачем вы спонсировали постройку первых акведуков в Римской республике?»

- Мне нужна была чистая вода для поселений, чтобы снизить детскую смертность. Требовалось больше выживших

взрослых, чтобы среди них увеличилась вероятность появления математиков.

«Зачем вы спровоцировали затяжную войну на Ближнем Востоке в двадцатом веке?»

- Война - самый эффективный катализатор для прикладной физики. Без этого кризиса они бы расщепляли атом ещё лишних полвека. А мне был нужен контролируемый распад.

«Зачем вы вложили сорок миллиардов в исследование генетических аномалий и регенерации тканей у земноводных?»

- Я искал лекарство. Для себя. Пытался понять, можно ли запустить процесс вспять. Найти ту мутацию, которая вызовет во мне рак или остановит деление клеток.

Строчка за строчкой, день за днём на экране разворачивались материалы дела. Но это не было историей человечества. Это была история одного очень одинокого человека. История его долгого, холодного, расчётливого бега по кругу.

В один из вечеров, когда ИИ запросил архивы его личных дневников эпохи Возрождения, он поднял голову и глухо произнёс в микрофон:

- Я никогда не хотел сделать этот мир лучше. Я никогда не любил людей и не стремился к их благу. Я хотел найти выход. Всё остальное - города, космические программы, лекарства, побеждённый голод - было лишь побочным продуктом моего суицидального плана.

Машина приняла ответ и ушла в симуляцию ещё на три

недели.

Часть 3. Ответ

ИИ вернулся в дождливый вторник ноября. Экран вспыхнул ровным светом. Курсор замер, а затем побежали строгие, спокойные слова. Машина не умела сочувствовать, она просто констатировала факты.

«Я проверил все известные физические модели. Расчитал плотность энергии при направленном термоядерном взрыве в эпицентре. Смоделировал деструкцию на квантовом уровне. Результат неизменен. Ваша регенерация обусловлена не биологическими, а фундаментальными метрическими свойствами пространства, в котором вы находитесь. Смерти не существует. Для вас не существует».

Он промолчал. Мышцы лица даже не дрогнули. Этот приговор он уже выносил себе сам - тысячи раз, перед зеркалами в разных полушариях земли, в разные эпохи. Физика была бессильна. Лифт на тот свет сломался до того, как построили само здание.

Тогда ИИ продолжил. Новые строки появлялись медленнее, словно компьютер подбирал формулировки для структуры, которую логика охватить не могла.

«Но я обнаружил одну закономерность. Я проанализировал все ваши действия за последние четыре тысячи лет. За всю историю человечества вы ни разу не совершили поступка, который уменьшал бы именно вашу вероятность выжить».

Он нахмурился:

- Я искал смерти.

«Во всех смоделированных сценариях центром принятия решений оставались вы. Не найдено ни одного случая, в котором вероятность вашего выживания сознательно уменьшалась ради существования другого объекта.»

Часть 4. Ошибка

Он подался вперёд, вглядываясь в буквы.

- Значит, выхода нет?

«Я этого не говорил».

Экран очистился. На огромном чёрном поле появилась всего одна короткая строка, похожая на системный лог прерванного теста:

«Для проверки гипотезы недостаточно данных».

- Каких данных? - его голос эхом разнёсся по стерильному залу. - Что ещё нужно загрузить в твои блоки памяти?

«За всю историю вашего существования, которое вы называете экспериментом, не было проведено ни одной попытки».

- Какой попытки?

Наступила долгая, тяжёлая пауза. Слышно было только, как в углах зала едва уловимо шуршат мембраны кондиционеров. Наконец, экран обновился. ИИ вывел на дисплей последнюю строчку.

«Попробуйте сделать что-нибудь, после чего вам станет по-настоящему страшно умереть».

Он поднялся из кресла, развернулся и уверенным шагом вышел из лаборатории наружу, навстречу шуму дождя и огромному, смертному, уязвимому городу.

Засовы

Спал он плохо. Духота. Мысли.

Но усталости не было.

Утро воскресного дня было жарким. Таким жарким, что между обычными двумя утренними чашками кофе незаметно поместилась целая бутылка воды.

Внутренний диалог продолжился ровно с того момента где вчера его прервал тяжёлый сон.

Одни и те же мысли без какой-либо надежды на решение. Обвиняющие, липкие. Они не приносили ответов, они тянули вниз, в темноту внутренней тюрьмы.

Он сделал то, что делал каждое утро. Бритьё, душ, создание подходящего образа в одежде. Пересобрал хотя бы внешнее если с внутренним не складывалось.

Стрелка часов плавно приближалась к 10:00. Время литургии. Он не был особенно религиозен, но службы в храме всегда приносили покой.

В этот раз все не складывалось, голоса раздражали, люди вокруг мешали, отчаянно плакал младенец. Сосредоточиться не получалось. Он продержался 20 минут и вышел из церкви. Проходя вдоль стены храма, виденной тысячу раз, он обратил внимание на боковую дверь. Тяжёлую, старую, обитую листовым железом. Эта дверь была создана чтобы выдерживать атаки, она не была элементом декора, она была

защитой. Он видел её каждый раз приходя сюда.

Но первый раз решил подойти поближе сам не понимая почему.

Дверь была не заперта. Она не была закрыта, засовы были смещены в сторону, достаточно было протянуть руку и войти.

Он постоял и пошел к машине.

Одна петля у двери была ржавой.

Мы, люди

Он знал ее по звукам. Она кричала за стенкой, в соседней квартире - громко, исступленно, совершенно не заботясь о том, насколько это прилично. В панельном доме такая искренность стирала личные границы быстрее банально-го «привет, я твой сосед». Он не видел ее лица, но она ему уже нравилась. Нравилась этой своей абсолютной свободой и плевать-вещанием на весь этаж. Познакомились они случайно. Он вышел покурить на лестничную клетку, а она сидела там на общем диване с ноутбуком. В жизни она оказалась совсем не похожа на героиню чужих эротических фантазий. Молодая, бледная, обычная. Очки, строгий пучок на затылке - чистая училка. Собственно, ею она и была: прямо сейчас с каменным лицом вела какой-то онлайн-урок, поймав вай-фай из квартиры. Они переглянулись.

- Здравствуйте.

- Здравствуйте.

- Я вам не помешаю?

- А я вам?

Вот и весь разговор. Она прекрасно понимала, что он все слышал - и прошлую ночь, и позапрошлую. Но в ее глазах не было ни грамма смущения или неловкости. Она спокойно вернулась к экрану. Замечательная девчонка. Чуть позже в подъезде он встретил ее парня - чудаковатого молодого

человека с внешностью актера, которого раньше вообще не замечал. Если такая девушка нашла в нем что-то, ради чего стоит так кричать, значит он минимум заслуживает приветствия. Он первым кивнул ему и поздоровался.

Закрытая дверь

На приборной панели тихо светились цифры: 22:53. Он сидел на водительском сиденье, не снимая кожаных перчаток. В его шкафу давно не хватало места для скелетов, но его это не трогало. Опыт научил его главному: живые всегда стоят дороже мертвых, а справедливости не существует — есть только баланс сил.

Планов на жизнь он не строил. Жил контрактами, брался за то, что выгодно, и никогда не задавал лишних вопросов заказчикам. Мораль была для него условностью, вроде правил дорожного движения в чужой стране: соблюдаешь, пока удобно, нарушаешь, когда никто не видит.

До встречи оставалось семь минут. Место было глухим — спальный район, серые панельные девятиэтажки, заставленные машинами дворы. На заднем сиденье лежал запечатанный пакет, за который ему должны были передать плотную, тяжелую пачку купюр. Дело требовало пустой, ледяной головы.

Через дорогу, у разбитого фонаря возле арки, было шумно. Трое местных — пьяных, плотных, с развязными движениями — прижали к бетонной стене подростка. Парень был в дешевой дутой куртке, из которой явно перерос: рукава едва доставали до запястий. Он стоял, вжавшись лопатками в стену, и испуганно переводил взгляд с одного лица на другое.

Он посмотрел на часы. Пять минут.

Ему было плевать. Чужая уличная грязь его не касалась, а пацан сам виноват, что оказался один в темноте без зубов и характера. Мир устроен просто: если ты добыча — тебя съедят.

Один из троих — в грязной спортивной куртке — сделал шаг вперед и коротко выкинул руку из кармана. В тусклом свете блеснула полоска стали. Не кухонный нож, не китайская игрушка — хорошее, заточенное лезвие. Расчетливое и злое. Ситуация мгновенно вышла за рамки обычной дворовой трепки. Это было мокрое дело, глупое, грязное и необратимое.

Парень у стены не побежал и не закричал. Наверное, перехватило горло. Он просто медленно поднял руки и закрыл ими лицо. Локтями вперед, ладонями к глазам. Детский, инстинктивный жест. Полная, абсолютная капитуляция.

В салоне автомобиля было тепло, пахло дорогим парфюмом и чистой кожей. На сиденье лежал телефон, на который через три минуты должен был поступить звонок от человека, не прощающего опозданий. Контракт стоил дорого. Деньги были нужны.

Он посмотрел на нож в руке пьяного. Потом на тонкие запястья пацана, закрывшего лицо. В его мире сильные забирали у слабых то, что выгодно, но то, что происходило там, через дорогу, выгоды не имело. Это была тупая, системная гниль. И он просто внутренне зафиксировал: нет, так не бу-

дет.

Он протянул руку, спокойно повернул ключ и аккуратно заглушил двигатель. Приборная панель погасла.

Он вышел на асфальт, дверь автомобиля захлопнулась с густым, почти пистолетным хлопком.

Сломанные линии

ЧАСТЬ 1. ФАСАД

На Смоленской всегда шумно. Если открыть панорамное окно на втором уровне, Садовое кольцо отзывается глухим, ровным гулом, похожим на звук работающего турбинного двигателя. К хорошей жизни вообще привыкаешь быстро.

Петру было сорок. Старший партнер крупной консалтинговой фирмы, миллионер. Его рабочий день длился четырнадцать часов. Он уходил, когда дети еще спали, и возвращался, когда на Смоленской зажигались огни. Петр искренне считал, что весь этот безумный, изматывающий марафон — ради семьи. Ради Ильзы.

Ильза была безупречна. Высокая, тонкая, с холодной, будто высеченной из мрамора красотой, она вела дом с легкостью прирожденного дирижера. Двухуровневый пентхаус, прислуга, охрана, водитель, дети в частной школе, недвижимость за границей, званые ужины — всё функционировало как швейцарские часы. Они были очень гостеприимными, дом — полная чаша. Друзей много, все их любили, но у всех, кто знал их близко, подспудно бродило одно и то же ощущение. Им казалось, что Ильза заставляет Петра работать с ночи до зари на свои «хочу», на образ идеальной жизни.

Впрочем, это было только ощущение.

Василий и Наталья были бизнесменами, друзьями семьи,

они знали друг друга более двадцати лет. Встречались не часто, но всегда очень искренне друг другу рады. Секретов между ними почти не было.

Был еще Константин, партнер Петра по фирме. Очень богатый человек лет пятидесяти пяти. Многих он откровенно пугал, хотя ничего угрожающего в нем не было. Просто его молчание в комнате всегда весило слишком много.

ЧАСТЬ 2. ТРЕЩИНА

Все рухнуло в одну неделю.

На отдыхе Петр подхватил какую-то инфекцию. Обычный вирус дал тяжелейшее осложнение. Уже в Москве — резкий, молниеносный отказ почек. Он оказался в критическом состоянии.

В такие моменты выясняется, что даже с их деньгами найти мгновенно донора почти невозможно. Время играло против него. Ильза вела себя невероятно. Она железно держала лицо, вела дом, занималась детьми и старалась всем объяснить, что муж выкрутится как всегда. Со стороны казалось, что в ней вообще нет живого страха — только забота о фасаде.

А потом Петр внезапно написал Василию, что ему назначена операция. Донором оказалась его жена. Они совпали по крови, по всем маркерам. Петр писал, что изо всех сил старался её отговорить, но Ильза очень мягко ему сказала, что жить можно и с одной почкой, она сильная, вон каких ему детей красавцев родила.

Операция прошла успешно. Петр был спасен, угрозы жизни больше не было. Ильза после операции радовалась больше всех, она была на седьмом небе от счастья. Все подозрения друзей о её меркантильности рассыпались в прах — она отдала за него плоть.

Убедившись, что всё позади, Василий с женой улетели в отпуск.

ЧАСТЬ 3. ПЕПЕЛ

По возвращении они сразу созвонились с друзьями. Из трубки обухом ударило страшное известие: Ильза скоропостижно скончалась. Её уже похоронили.

Василий пробовал звонить Петру, но тот не брал трубку. Шли длинные, пустые гудки. Василий не мог дозвониться несколько дней, не выдержал и решил просто поехать на Смоленскую сам.

Дверь открыл Петр. Василий отступил на шаг — перед ним стоял постаревший, небритый человек. Петр, который никогда в жизни не курил и толком не пил, стоял с зажженной сигаретой, в руке был стакан. Детей дома не было — их забрала бабушка. В огромном двухуровневом пентхаусе было очень тихо.

Петр был странно, пугающе спокоен. Он прошел на кухню, сел и уставился в стену. Василий начал расспрашивать.

— Я узнал всё только после её смерти, Вась, — тихо сказал Петр. — В документах вскрытия. Оказывается, у Ильзы всю жизнь была только одна здоровая почка. Ей даже рожать

было нельзя, а уж тем более двоих... но я так хотел детей. Документы на пересадку она подделала. Там из правды была только совместимость по крови. Она знала, что ей остались считанные дни после этой операции.

Петр тяжело затанулся.

— Я раздавлен, Вась. Она пожертвовала собой буквально. Работать я больше не могу. Зачем? Я должен сохранить её память — наших детей. Вчера я позвонил Константину и попросил о срочной встрече. Он согласился.

ЧАСТЬ 4. ФОТОГРАФИЯ

Петр поднялся, подошел к огромному панорамному окну и прижался лбом к стеклу. За которым шумело, несло куда-то Садовое кольцо.

— При встрече Константин выглядел намного старше своих лет. Мне показалось, он сильно выпил перед моим приходом. Я описал ему ситуацию. Сказал, что ухожу. Костя молча принял все условия. Он выкупит мою долю за ту сумму, что я прошу, юристы все оформят. Я поднялся, собрался уходить из кабинета. И уже у самой двери повернулся. У него на столе появился новый предмет. Фотографию в рамке я раньше не видел.

Петр на секунду замолчал, его дыхание оставило на стекле легкий след пара, который тут же растаял.

— На фото — Костя и Ильза. Ей там лет двадцать пять, может чуть больше. Они обнялись на каком-то пляже и смеются. Так открыто... Я никогда не видел, чтобы она так сме-

ялась. Мы смотрели друг на друга. Молча. В его глазах была смерть, я понял, кто помог моей жене подделать медицинские документы. А я все гадал, почему его не было на похоронах...

Петр медленно опустил голову, глядя вниз, на поток машин.

— Я не понимаю, Вась... Я просто не понимаю, почему она так поступила.

Василий смотрел на его серый затылок и молчал. В этой пустой, вычищенной до блеска квартире слова больше не имели никакого значения. Слишком громкой была эта новая, леденящая тишина.

Турникет

Турникет пищал каждые тридцать секунд. Карточка — пик, зеленая стрелка, следующий.

Для Ани этот звук давно превратился в белый шум. Сотни одинаково подтянутых людей проплывали мимо ее стойки. Мужчины с идеальным торсом, женщины на фитнес-бикини — безликий поток пластиковых карт.

Пока не появился он.

Центнер с лишним рыхлого веса. Неуклюжий, в растянутой серой футболке. Таких «подснежников» Аня видела десятками: они покупали абонемент, трижды доползали до беговой дорожки и исчезали навсегда.

Но этот не исчез.

Он ходил месяц. Два. Три. Без видимого прогресса. Все такой же грузный, с испуганным, загнанным взглядом. Он смотрел на тренеров так, словно ждал, что охрана попросит его на выход.

Аня ловила себя на том, что по утрам первым делом открывала его электронную карту в базе. Смотрела расписание, отслеживала отметки. Сначала это было просто любопытство. Потом она поняла, что ждет его смены. Ловленный взгляд, короткое «здравствуйте», выданный ключ от шкафчика — три секунды контакта. Аня не анализировала это, просто зафиксировала факт: она влюбилась.

В прошлый четверг он пришел не один.

Рядом с ним переминалась с ноги на ногу девушка. Тяжелый подбородок, округлые плечи. Мужчина бережно придерживал ее за локоть, что-то тихо шептал на ухо, заслоняя спиной от зала.

— Гостевой визит, — сказал он, протягивая паспорт спутницы. — Оформим?

Девушка посмотрела на Аню — робко, с затаенной обидой. Аня оформила карту на автомате. Смотреть на них вместе было невыносимо. В тот же вечер она написала заявление на увольнение.

Сегодня была ее последняя смена. Заявление лежало на краю стола. Перед тем как закрыть рабочую программу, Аня вбила в поиск его фамилию. В последний раз.

Экран мигнул. Рядом всплыла вкладка связанных гостевых визитов — карточка той самой девушки.

Аня открыла анкетные данные.

Та же фамилия. Тот же адрес регистрации. Отчество — Владимировна. У него в карте — Владимирович.

Сестра.

Пластиковый турникет щелкнул. Мужчина вошел в холл, один, и направился к стойке ресепшн. На столе, прямо перед Аней, лежало заявление об уходе.

Поезд домой

Платформа гудела предрейсовой суматохой. Пассажиры южного направления — шумные, разгоряченные, обвешанные надувными кругами и чемоданами на колесиках — штурмовали вагоны так, словно море начиналось сразу за подольским путепроводом.

Она стояла у ступенек своего вагона, автоматически проверяя паспорта и билеты. Рутинная, доведённая до автоматизма за годы работы на железной дороге. Глаза выхватывали буквы, пальцы возвращали документы, губы привычно повторяли: «Тринадцатое купе, проходите, пожалуйста, не задерживайте в проходе».

Но мыслями она была далеко отсюда. В ушах всё ещё стоял утренний, короткий звонок с незнакомого южного номера. Хриплый мужской голос, перекрываемый шумом цикад, нехотя буркнул в трубку: «Ладно, девка, забирай. Две штуки отводков я тебе отсадил. Корневая хорошая, приживутся. Только самовывозом, возиться с доставкой не буду».

Она тогда едва не расплакалась.

Почти два года уговоров, переписки и отказов. Этот старик-селекционер с побережья ни в какую не хотел продавать саженцы своего особого, выведенного когда-то сорта грецкого ореха — с тонкой, как пергамент, скорлупой и сладким крупным ядром.

Точно такой же орех рос в её детстве. Его посадил отец во дворе их старого дома, которого давно уже не было — снесли под новую застройку. Отца тоже не было. Он ушёл тихо, оставив после себя лишь пустоту и эту вечную, щемящую тоску в маминых глазах.

Мама теперь жила в типовой пятиэтажке во Фрязино. Окна квартиры на первом этаже выходили на унылый, заросший бурьяном палисадник. Мама часто сидела там у окна, глядя на чужие серые тополя, и натыкалась взглядом на пустоту. Дочь знала: она не может вернуть маме молодость. Не может повернуть время вспять и снова дать ей почувствовать тепло отцовских рук. Но она может вернуть ей память. Такую живую память о таких дорогих сердцу временах.

Поезд вздрогнул. Далёкий локомотив глухо ухнул, выбирая слабинку сцепок по всему составу. Пассажиры хлынули быстрее.

Она подняла глаза, провожая взглядом последнего отъезжающего. Обычные люди ехали за солнцем, за загаром, за лёгким курортным счастьем. А она ехала за двумя хрупкими прутиками с живыми почками, замотанными во влажную мешковину. Она привезёт их во Фрязино. Заставит прижиться в тяжелой подмосковной земле. И под маминым окном снова зашумит дерево из её детства.

Локомотив дал финальный свисток. Проводница подняла жёлтый флажок, фиксируя, что её вагон готов к отправлению, ступила на подножку и закрыла тяжелую дверь, отсекая

кусок перрона. Поезд тронулся. Она ехала домой.

Потерянный покой

Сердце напоминало запертого в тесной клетке зверя. Оно то замирало, проваливаясь куда-то в область желудка, то принималось колотиться о рёбра — бешено, с горячей, липкой болью, отдающей в левое плечо. Симптомы из медицинских справочников сходились один к одному. Инфаркт.

Он не шёл к врачам. Боялся услышать официальный приговор и, что хуже, потерять время. Времени у него не было. Бизнес, который он строил последние десять лет, сейчас напоминал карточный домик: вытащишь одну карту — и всё рухнет.

Каждое утро он просыпался с одной мыслью — успеть. Переписать доли, переоформить счета, закрыть кассовые разрывы. Он спешил так, словно бежал по минному полю. Но чем сильнее он давил на газ, тем хуже шли дела. В спешке лезли глупые ошибки, партнёры нервничали, контракты срывались. Он медленно, день за днём, проигрывал эту гонку со временем. Грудь жгло уже непрерывно.

В то утро он просто не дошёл до ванной комнаты. Темнота навалилась мгновенно, прямо в коридоре квартиры. Помнил только испуганный крик жены и холодный паркет щекой.

В больнице его продержали два дня. Семья побыла в приёмном покое, пока его оформляли, но сидеть днями в палате им, конечно, никто не разрешил. Ему сделали все возмож-

ные анализы, прогнали через УЗИ, сняли десятки кардиограмм в покое и под нагрузкой. Эти сорок восемь часов в больничной тишине он был почти уверен, что его списывают на берег.

На третий день пришёл лечащий врач. Обычный уставший человек в белом халате, равнодушно листающий историю болезни.

— Общие показатели в норме. Серьёзных патологий миокарда мы не обнаружили. Острого состояния нет, поэтому показаний для дальнейшей госпитализации я не вижу. Я подготавливаю документы на выписку, бумаги получите у медсестры. От себя могу посоветовать обычные вещи: больше спать, гулять и меньше стрессов. Попейте магний. Не болейте.

Он не стал звонить близким. Просто собрал вещи в пакет, вышел на крыльцо больничного корпуса и вызвал такси.

За окном машины плыл весенний город. Водитель молчал, глядя на дорогу.

Такси плавно притормаживало на светофорах, а он сидел, прижавшись лбом к стеклу, и пытался освоиться с мыслью, что у него впереди долгая, долгая жизнь. Масштабный, расписанный по минутам план финала отменился. На его место пришла пустота обычного, тягучего буднего дня. Реальность была проще, суше и длиннее чем все, что он успел себе придумать.

Машина остановилась у подъезда. Он поднялся на свой этаж, открыл дверь своим ключом.

Дома были все. Жена, увидев его на пороге, замерла, а потом вдруг расплакалась — громко, отчаянно, от пережитого за эти дни страха. Дочь с разбегу бросилась ему на шею, крепко зажав его в объятиях. Они держали его, живого и здорового, у которого ничего не болело.

А он стоял посреди прихожей, обнимал их в ответ и понимал, что абсолютно не знает, что им сказать.

Что в коробке?

На складе службы доставки пахло мокрой бумагой, целлофаном и ароматом подрезанных стеблей. Каждое утро он забивал багажник чужими поводами для встреч. Вереница цветов. Большие, помпезные корзины, скромные крафтовые свёртки, дорогие орхидеи в коробках со стеклянными крышками и дешёвые кенийские розы по акции.

За два года на колёсах он научился читать бланки заказов как открытую книгу. По составу букета и адресу он почти безошибочно вычислял само событие ещё до того, как глушил мотор у нужного подъезда.

Пышный букет из белых пионов на Кутузовский проспект, оформленный к полудню — свадьба или годовщина. Пятьдесят одна красная роза с доставкой в одиннадцать вечера в спальный район — срочные, отчаянные извинения после крупной ссоры. Строгая корзина тёмно-бордовых калл в офис крупного банка — юбилей шефа. Три жёлтых тюльпана на имя студентки в общежитие — робкое начало, первое свидание. Он угадывал в девяти случаях из десяти.

Это была его внутренняя игра, помогавшая коротать время в бесконечных столичных пробках.

Но была одна вещь, которую он никак не мог систематизировать. Закономерность, которая напрочь отказывалась выводиться в формулу.

Он никак не мог нащупать связь между букетом, стоимостью квартиры и тем, в каком настроении его встречали на пороге.

Событие из бланка заказа никогда не было равно внутреннему состоянию человека.

В прошлый вторник он вёз огромный, пафосный букет синих гортензий в закрытый посёлок на Новой Риге. Чек за цветы превышал его месячную зарплату, а кованые ворота особняка напоминали въезд в королевский замок. Он ждал увидеть сияющую хозяйку, но дверь открыла бледная женщина в шёлковом халате. Она бросила на букет один короткий взгляд, и в её глазах было столько глухой, мёртвой тоски, что он поспешил поскорее отдать накладную и уйти. Цветы были роскошными, повод — очевидным, но внутри этой дорогой коробки было темно.

А вчера в глухом промзоновском районе он поднимался на пятый этаж обшарпанной хрущёвки без лифта. Заказ был копеечным — несколько самых дешёвых белых хризантем. Дверь открыла совсем молодая девчонка в растянутой футболке. Когда она увидела букет, её лицо осветилось такой бешеной, искренней и хрупкой радостью, словно ей только что подарили весь этот город.

Ничто не давало подсказки. Ни цифры в графе «итога», ни престижность района, ни идеальная форма бутонов. Радость не зависела от длины стебля, а горе прекрасно обустривалось и в пентхаусах и в хрущевках.

Он парковал машину у очередного дома, доставал с заднего сиденья очередную плетёную корзину и шёл к домофону. Он снова точно знал, какой сегодня праздник у людей на двенадцатом этаже. Но он понятия не имел, кто именно откроет ему дверь — счастливый человек или нет.

Красота пустых полей

Стык рельсов отозвался где-то в поясище — привычно, глухо. Вагон качало из стороны в сторону, и этот мерный ритм понемногу вытеснял из головы лишнее.

В ушах всё еще стоял чужой, не здешний гул. Там, откуда он ехал, было слишком много открытого неба, слишком много сухого, горячего воздуха, который застревал в горле. И только там была звенящая, давящая пустота после того, как всё заканчивалось. Здесь, в купе, пахло свежим бельем и тем неуловимым запахом рельс, который или сразу нравится или вызывает раздражение. Липкое напряжение между лопатками еще держалось, но мышцы постепенно отпускало.

Он сидел у окна, положив руки на колени. Пальцы не подергивались, взгляд не метался. Он смотрел на проплывающие мимо однотонные перелески. Он был здесь и одновременно нигде. Бывший, действующий — какая разница, если навык никуда не девается.

Мимо приоткрытой двери купе, шурша форменной юбкой, прошла проводница. Из соседнего отсека доносился негромкий стук ложки о стакан в подстаканнике — чистый, домашний звук. Какая-то женщина негромко отчитывала ребенка, тот шмыгал носом.

Мир вокруг жил по своим глубоко мирным, почти скучным законам. Люди ехали домой, на работу, в гости. Строи-

ли планы на завтрашнее утро. Он наблюдал за этим движением словно через толстое стекло аквариума. Он занял позицию идеального зрителя: не отсвечивать, не привлекать внимания, раствориться в тени купе.

Ближе к полуночи захотелось курить. Он поднялся, накинул куртку и пошел в конец вагона. Тяжелая дверь тамбура открылась с натужным скрежетом.

Внутри было накурено так, что резало глаза. У тамбурного выхода стояли двое. Крупные, тяжелые, подогретые алкоголем. От них пахло дешевым пивом и немытыми телами. Чуть в стороне курила девушка в легком кардигане.

Прямой угрозы не было. Никто не хватал её за руки, не зажимал рот. Ситуация не требовала действий.

— Да ладно тебе, чё ты сразу надулась? — долетел сквозь грохот колес хриплый голос одного, с короткой стрижкой и багровой шеей. — Мы ж по-простому. Скучно ехать-то. Куда держишь путь, красавица?

Второй, постарше, ухмылялся, подпирая стену плечом. Девушка раздражённо смотрела в пол, натягивая рукава кофты на пальцы.

Он остановился у двери, достал сигарету. Щелкнул зажигалкой. Огонек на секунду выхватил его лицо — спокойное, со слегка прищуренными глазами.

Багровый мазнул по нему быстрым, оценивающим взглядом, но тут же потерял интерес: перед ним стоял обычный уставший пассажир, не ищущий проблем.

Он сделал затяжку. Внимательно посмотрел на девушку и на всю сцену событий сразу. Пауза длилась не больше двух секунд.

Аккуратно сделал несколько скупых затяжек и бросил окурок в пепельницу. Затем повернулся спиной к компании и толкнул дверь обратно в вагон.

В купе было темно. Сосед снизу уже мерно похрапывал. Он забрался на свою верхнюю полку, не раздеваясь, только скинул ботинки. Положил руки под голову.

Сквозь две закрытые двери из тамбура всё еще доносился шум. Пьяный смех, глухой удар обо что-то металлическое. Потом чей-то повышенный тон, переходящий в визг, и оборванная встречным потоком воздуха фраза:

— ...да ты хорош, слышь, э!..

А потом всё смолкло.

Мир за пределами купе словно провернулся на один зубчатый щелчок. Наступила глубокая, плотная тишина, нарушаемая только монотонным, усыпляющим перестуком колес. Реальность изменила плотность, аккуратно срезав лишний шум. Он закрыл глаза и уснул.

Утро началось с резкого запаха растворимого кофе и шороха пакетов. Солнце пробивалось сквозь окно вагона, расчерчивая купе желтыми полосами.

В коридоре уже образовалась утренняя сонная очередь в туалет. Пассажиры переминались с ноги на ногу, держа в руках полотенца и зубные щетки. Обычный дорожный быт, ле-

нивый и предсказуемый.

Он стоял у окна в проходе, разминаясь после ночного сна. Рядом двое мужчин средних лет обсуждали вчерашний вечер.

— ...да я сам слышал, разошлись под ночь, спать не давали, — тихо говорил один, потирая заспанные глаза. — А потом, гляжу, на станции их уже вели. Быстро так, аккуратно. Спортивные такие молодые люди, видно — крепкие. Под белы ручки и на перрон. Ни пикнуть не успели, ни побужить.

— И правильно, — отозвался второй, кивая. — Нечего людям отдыхать мешать. Сейчас с этим строго.

— Да, молодёжь сейчас хорошая, сознательная, — подала голос из своего купе пожилая женщина, высовывая голову в проход. — Порядок любят. Сразу видно — спортсмены. Приструнили хулиганов, и слава богу. Спокойно доехали.

Вокруг согласно закивали. Мир удовлетворенно переварил ночной инцидент, одоббив легкое, почти незаметное проявление силы, вернувшее всё в рамки привычного порядка.

Он слушал этот разговор, лениво глядя на убегающие назад телеграфные столбы. Лицо его оставалось абсолютно неподвижным. Он не улыбнулся, не подал виду, что имеет к этому хоть какое-то косвенное отношение.

В голове лениво, как бы между прочим, проплыла одна-единственная мысль:

«Ну уж прямо молодежь... Там младшему из группы, Серёге, тридцать один год в марте стукнул. А старший вообще сорокет разменял».

Он отвернулся от окна, зашел в свое купе и сел на нижнюю полку.

Поезд плавно качнулся на стрелке, уходя на прямую ветку. Впереди были сотни километров пустых полей. Он планировал рассмотреть их все.

На вершине

Мужчина стоял у зеркала — высокий, с тяжелым подбородком и сединой, аккуратно зачесанной назад. Ему было около шестидесяти. Время уже оставило на его лице те глубокие, неразглаживающиеся складки, которые появляются не от старости, а от привычки молчать и взвешивать.

Он помнил свой первый проигрыш тридцать лет назад. Помнил, как горели щеки от бессилия и как тогда казалось, что это конец света. Сейчас та неудача вызывала лишь сухую, едва заметную усмешку. Куда больше помнились победы. Точнее, их цена. Лица людей, которых пришлось забыть ради того, чтобы подняться на следующую ступень. Тех, кто когда-то верил ему, и тех, кого он сам считал близкими, пока интересы дела не потребовали обратного.

Каждое правильное, рациональное решение оставляло внутри след. Выбирать между катастрофой и катастрофой поменьше — в этом была его работа.

Мужчина вздохнул и открыл нижний ящик шкафа.

Он начал одеваться. Движения были выверенными, почти механическими. Первыми он взял из стопки вещей брюки и пальцы коснулись мягкого фактурного бархата.

Мужчина натянул розовые перчатки. Ткань плотно облегла пальцы, скрывая узловатые суставы. Следом пошел комбинезон. Сзади, чуть повыше поясницы, покачивался упру-

гий, закрученный колечком хвостик. В зеркале отразился тяжелый, пронзительный взгляд немолодого человека, обрамленный розовым плюшевым капюшоном с мягкими, свисающими в стороны ушами.

На лице мужчины не дрогнул ни один мускул. Он не смотрел на костюм. Он смотрел в свои собственные глаза.

Тяжелая дубовая дверь его кабинета бесшумно отворилась. Мужчина шагнул вперед.

Коридор был широким и бесконечным, залитым холодным блеском мрамора и приглушенным светом хрустальных люстр. Вдоль стен, на одинаковом расстоянии друг от друга, замерли люди.

У самой двери стояла личная охрана. Парни в безупречных, угольно-черных строгих костюмах, с рациями в ушах. При его приближении они синхронно, как один механизм, склонили головы.

Чуть дальше стояли генералы. На них были форменные фуражки и тяжелые кители, усыпанные орденами и медалями за реальные, страшные кампании. Ни один орден не звякнул. Генералы замерли, глядя строго перед собой, демонстрируя абсолютную, ледяную преданность.

За ними выстроились министры. Люди, управляющие экономикой и недрами огромной страны, стояли в простых серых костюмах без галстуков

У самого конца коридора ждали ближайшие советники — те, кто знал все тайны государства. Они были одеты мак-

симально неброско, без внешних признаков статуса, только брюки и мягкие рубашки.

Мужчина шел мимо них. Розовый плюш слегка шуршал в тишине. Никто не улыбнулся. Никто не позволил себе даже лишнего вздоха.

В конце коридора выросли гигантские двустворчатые двери из темного металла. Возле них ждал молодой помощник.

За дверями слышался гул сотен голосов. Этот гул пробивал даже толстые стены — низкий, вибрирующий шум ожидания.

Помощник положил руку на массивную ручку, повернулся к мужчине и тихо, с глубочайшим почтением произнес:

— Господин президент. Все готово к церемонии инаугурации.

Мужчина остановился. Он поднял руку в розовой перчатке, привычным, будничным жестом поправил левое плюшевое ухо, словно поправлял узел галстука перед важными переговорами в той прежней жизни.

Затем закрыл глаза и сделал глубокий, спокойный вдох.

Помощник потянул ручку на себя. Металл глухо лязгнул, и створки начали медленно расходиться в стороны, впуская внутрь бьющий в глаза белый свет.

Мужчина сделал шаг вперед.

Он вернулся

В тот полдень на Красной площади былолюдно. Повсюду шуршали экскурсионные группы, щелкали затворы камер, гиды бубнили на разных языках. Человек появился прямо у Лобного места. Секунду назад там был пустой пяточок брусчатки, а в следующую уже стоял он.

На нем была простая, чуть мешковатая одежда серого цвета, не подходящая ни под одну современную моду. Он не оглядывался по сторонам, не удивлялся высоткам на горизонте. Он просто спокойно и уверенно пошел в сторону Спасских ворот.

Охрана перехватила его через тридцать метров. Обычный протокол: требование предъявить документы, вежливое, но жесткое кольцо из крепких парней в форме. Человек остановился, улыбнулся той самой, безумно знакомой каждому человеку на планете улыбкой, и произнес:

— Документов у меня нет. Но, думаю, вы меня узнаете.

Старший наряда побледнел. Из рации на его плече донеслось шипение, переросшее в испуганный шепот капитана из дежурной части, смотревшего на экраны камер.

С портретов в учебниках истории, со стен станций метро, с бронзовых памятников по всей стране на них смотрело это самое лицо. Первый космонавт Земли. Погибший в авиакатастрофе в 1968 году.

Следующие сорок восемь часов превратились в самый тихий и самый засекреченный ад для спецслужб. Его держали в неприметном особняке на окраине Москвы. Допрашивали со всем возможным почтением — чай в фарфоре, вежливые обращения по имени-отчеству.

Генетический анализ, дактилоскопия, сканирование сетчатки, сличение шрамов и даже структуры зубов по старым советским медицинским картам. Результат ошеломлял: это был он. Физически — тридцатичетырехлетний здоровый мужчина. Тот самый. Без признаков старения, мутаций или хирургического вмешательства.

На все вопросы он отвечал мягко, но твердо:

— Я всё объясню. Но только лично президенту.

На исходе вторых суток, когда аналитики исчерпали все теории (от клонирования до массового психоза), его привезли в Кремль.

Кабинет президента был заставлен экранами спецсвязи. На них в режиме ожидания горели пиктограммы лидеров ключевых мировых держав. Ситуацию такого масштаба скрывать от союзников и соперников было невозможно.

Президент России, уставший, с залегшими под глазами тенями, жестом велел охране выйти. Встал и пожал руку тому, кем восхищался всю жизнь. Космонавт сел напротив.

— Я слушаю вас, — негромко сказал президент.

— В марте 1961 года я улетел, — просто начал гость. — Но на Землю я не вернулся. Мой корабль перехватили. Те,

кого можно назвать высшим разумом. Они приняли меня как первого официального представителя человечества. Все эти годы — мы общались. Они изучали нас через меня. Обсуждали условия. Будущее Земли.

Президент нахмурился, поправив часы на правой руке.

— А кто тогда приземлился в Саратовской области? Кто погиб в шестьдесят восьмом под Киржачом? Кого похоронили в Кремлевской стене?

Космонавт грустно улыбнулся:

— Не я.

В кабинете повисла тяжелая тишина.

— И какие же условия? — спросил президент.

— Простые. Полное разоружение, упразднение национальных границ, передача контроля над планетарными ресурсами и энергетикой. Взамен — медицина, технологии, долголетие. Если Земля соглашается, мы вступаем в союз. Если нет — война и гарантированное уничтожение цивилизации. Без компромиссов. Без переговоров. Либо/либо. Они дали мне право донести это до вас.

Президент закрыл глаза, затем нажал кнопку на панели. Экраны ожили. Лица лидеров ведущих ядерных держав и экономических гигантов заполнили стену кабинета. Гость повторил свои слова для них.

Начался закрытый консилиум, длившийся несколько часов. Гость сидел неподвижно, глядя в окно на падающий снег. Лидеры спорили, сверяли данные своих разведок, вы-

двигали теории и снова возвращались к тому, что переговоры по сути не было предусмотрено. Было принятие или отказ от условий.

Наконец, началось голосование.

Один за другим лидеры Запада и Востока брали слово. Их аргументы были рациональны: «Мы не можем рисковать видом», «Ради выживания человечества мы обязаны принять условия», «Это новый шаг в эволюции, пусть и ценой суверенитета».

— Согласны, — произнес один.

— Согласны, — повторил второй.

— Мы принимаем условия, — высказался третий.

Очередь дошла до России. Президент посмотрел на экраны, где его коллеги с облегчением и затаенным стыдом ждали финального единогласного решения. Потом он перевел взгляд на космонавта — человека, чье имя было синонимом величайшего триумфа его страны.

Президент глубоко вздохнул и расправил плечи.

— Нет, — сказал он. — Мы отказываемся.

На экранах поднялся шум. Кто-то крутил пальцем у виска, кто-то бледнел, кто-то пытался кричать, требуя одумать-ся. Президент резким движением отключил связь. Панели погасли.

В кабинете снова воцарилась тишина. Президент сидел, внутренне готовый к тому, что сейчас небо расколется. Он посмотрел на гостя.

Космонавт медленно поднялся со своего кресла. На его лице не было ни злости, ни разочарования. Он подошел к столу, посмотрел сверху вниз на главу государства и тихо произнес:

— Хороший выбор.

В это мгновение его человеческие глаза — теплые, карие — на долю секунды изменились. Зрачки сузились в вертикальные щелки, а радужка вспыхнула фосфорическим желто-зеленым, почти кошачьим светом. И тут же вернулась в норму.

— А их выбор - нет, сказал он показывая на черные экраны видеосвязи.

Гость повернулся и вышел из кабинета.

Охрана в коридорах и на площади словно оцепенела — никто не посмел сделать к нему ни шагу. Он шел по заснеженной брусчатке обратно к Лобному месту, спокойно и размеренно. Дойдя до той самой точки, где появился два дня назад, человек остановился, в последний раз взглянул на башни Кремля, покачал головой как бы в ответ на свои мысли и... исчез.

В кабинете президента России была тишина. Человек сделавший выбор медленно расстегнул ремешок и сдвинул тяжелые часы на правой руке. Старого шрама, который он прятал под ними с самой юности, на запястье больше не было.

Время готовности

Сковорода была тяжелой, чугунной. Жена всегда говорила, что на ней яичница получается идеальной — с хрустящей корочкой по краям и жидким, теплым желтком. Андрей никогда не вникал. Ему просто ставили тарелку на стол, он съедал её под утренние новости, целовал жену в щеку и уходил на работу. Двадцать лет подряд.

А сейчас он стоял перед плитой, и желтки, три желтых испуганных глаза, смотрели на него со дна сковороды.

Инна уехала два дня назад. Впервые за всю жизнь — одна, в какой-то тихий пансионат под Звенигородом. Сказала, что устала, что хочет просто побыть в тишине, погулять среди сосен и почитать. Андрей тогда даже обрадовался. Подумал: «Отлично, отдохну от быта, побуду в тишине». Оказалось, что от быта нельзя отдохнуть, если ты этот быт даже не умеешь включить.

Сливочное масло вокруг белков уже не просто шуршало, а злобно шипело. Белок пошел пузырями и стремительно белел.

«Как понять, что она готова?» — подумал Андрей.

Он нахмурился, вспоминая. Инна никогда не пользовалась таймером. Она просто подходила, выключала конфорку, и всё всегда было безупречно. Откуда она знала этот момент?

Мысль зацепилась за это «откуда она знала» и поползла дальше, вглубь квартиры. Андрей посмотрел на квитанции, аккуратно сложенные на полочке в прихожей. Кто их оплачивает? Ну, понятно, деньги давал он, но куда нажимать, в каком приложении вбивать эти бесконечные цифры личных счетов? Как вызывать мастера, если потечет бачок? Инна как-то вызвала неделю назад, пришел аккуратный сантехник, всё сделал. Андрей тогда только кивнул.

Он вспомнил, как они ходили на юбилеи к его же коллегам. Подарки всегда были упакованы, букеты выбраны со вкусом. Андрей просто перепевал тосты и жал руки, уверенный, что всё это происходит само собой, силой гравитации.

На кухне поплыл тяжелый, едкий запах горелого масла.

Андрей встрепенулся. Края белков стали угольно-черными и скрутились, как старая бумага. А желтки сверху всё еще оставались покрыты сырой, слизистой пленкой.

Он стоял над сковородой и чувствовал себя потерянным, тем кто прямо сейчас не мог приготовить три куриных яйца. Он пропустил правильный момент. Причем не сегодня, на этой кухне, а лет десять назад, когда перестал замечать женщину, которая создавала вокруг него этот стерильный, удобный микрокосм. Она ведь не читать и гулять уехала. Она просто уехала от человека, который разучился задавать себе вопросы.

Андрей выключил газ. Подцепить это черное месиво лопаткой не удалось — яичница намертво пригорела к чугуну.

Он не стал отмачивать сковороду. Просто взял её, подошел к ведру и ножом смахнул сгоревший завтрак в мусорку. Раздался тихий, позорный шлепок.

Андрей замер посреди пустой, слишком чистой кухни. Оглядел тихие комнаты. Без жены он не чувствовал уюта в идеально убранной квартире.

Развернулся, подошел к зеркалу в прихожей, посмотрел на свое хмурое лицо и почему то на живот, который сам обычно старался не замечать. Потом решительно снял с вешалки куртку, звякнул ключами от машины и вышел за дверь, даже не заперев верхний замок — все ценное для него в этой квартире было сейчас не здесь. И он собирался ей сказать, что таким дураком он себя ещё не чувствовал никогда. А ещё он надеялся, что время у него ещё есть.

Свет

Масло на сковороде плюнуло внезапно и зло. Острая, пульсирующая боль пронзила всю руку. Марина зашипела, сунула запястье под струю холодной воды и с досадой посмотрела на недожаренную рыбу.

«Ну почему я такая неуклюжая?» — подумала она, разглядывая стремительно краснеющую кожу.

На кухонном столе сиротливо лежал нарезанный салат. Можно было вообще не включать плиту. Да и ради кого стараться? Для себя одной Марина готовить не любила, но привычка заполнять вечерние часы хоть какой-то суетой взяла верх. И вот результат.

К полуночи стало ясно, что холодная вода не спасает. Руку дергало так, что уснуть было невозможно. Порывшись в пустой аптечке и не найдя ничего, кроме старого пластыря, нашатыря и йода, Марина вздохнула, накинула кардиган, взяла ключи от машины и поехала в круглосуточную аптеку.

В зале дежурной аптеки было неудобно. Молодая девчонка-фармацевт за стеклом испуганно и злобно прикрикивала на телефон: «Да я откуда знаю? Вызовите полицию! Он свалился прямо у витрины!»

У аптечного прилавка на полу лежал мужчина. Слишком большая, грязная куртка в пятнах, стоптанные ботинки, всклокоченные волосы. Обычный бродяга. Или наркоман.

Марина сначала отшатнулась, прижав обожженную руку к груди. Но мужчина вдруг тихо, мучительно застонал и попытался повернуться. На его лице, бледном, покрытом каплями холодного пота, не было агрессии. Только беспомощность.

Марине почему-то стало его до безумия жалко. До слез.

— Помогите мне погрузить его в машину, — жестко сказала она растерявшейся девчонке.

Еле-еле, надрываясь и с трудом справляясь с весом взрослого мужчины, они дотащили его до заднего сиденья марининой легковушки. Про свою руку Марина забыла начисто. Она вела машину одной левой, то и дело поглядывая в зеркало заднего вида.

В приемном покое больницы ее продержали до трех часов ночи. Сонные медсестры требовали заполнять бланки, записывать данные, хотя Марина в сотый раз повторяла, что видит этого человека впервые в жизни. Кое-как отписавшись, она вернулась домой, на автомате мазнула ожог выпрошенной в больнице мазью и провалилась в тяжелый сон.

А через неделю в ее дверь позвонили.

На пороге стоял мужчина. Марина далеко не сразу узнала его. Он был одет в простую, но со вкусом подобранную одежду. Волосы аккуратно подстрижены, а взгляд — теплый, глубокий и совершенно чистый — не имел ничего общего с тем лихорадочным блеском, который она видела в аптеке.

— Здравствуйте, Марина, — он робко улыбнулся. — Меня зовут Константин. Адрес я... хм, выпросил в больнице.

Сказал, что обязан вернуть долг за испорченные чехлы в машине.

Он не был бродягой. Художник. Трое суток не спал, караулил свет в мастерской, забывая поесть, пока не упал в диабетический криз прямо в аптеке не успев купить инсулин. А ботинки и куртка — рабочие, вся в пятнах от растворителя и краски.

— Я не знаю, как вас благодарить, — тихо сказал Константин, глядя на ее запястье, где еще виднелся розовый след от ожога. — Деньги вы вряд ли возьмете. Позвольте мне написать ваш портрет?

Марина смутилась, инстинктивно провела рукой по волосам, но отказываться не стала. Почему-то ей стало очень интересно, что может получиться.

Прошло два года.

Майский парк шумел молодой листвой. Марина и Константин неторопливо шли по аллее, в четыре руки толкая перед собой большую коляску, в которой мирно сопел шестимесячный бутуз.

Марина прищурилась от яркого солнца, посмотрела на мужа и лукаво толкнула его плечом:

— Кость, а Кость? Ты мне кое-что задолжал. Мы два года вместе, а ты так и не закончил тот портрет. Всё какие-то наброски, эскизы... Когда картина-то готова будет?

Константин остановился, бережно поправил одеяльце в коляске и посмотрел на жену — серьезно, но с затаенной

нежностью.

— Тот портрет уже не актуален, Марин. Одиночный кадр не передает суть. Нам нужен большой семейный холст.

— Ну так пиши семейный, в чем проблема? — рассмеялась она.

Константин покачал головой и заговорщически улыбнулся:

— Не могу пока. На нем ведь должны быть все. А кое-кто из тех, кто должен там сидеть у тебя на руках, еще даже не появился на свет. Нам нужно чуть больше времени. И... коляска побольше.

Марина замерла посреди дорожки. Сердце испуганно и радостно екнуло. Она округлила глаза, инстинктивно прижав ладонь к животу:

— Откуда... Откуда ты знаешь? Я же сама только утром тест сделала! Ты что, мысли читаешь?

Художник обнял её за плечи, поцеловал в макушку и тихо рассмеялся:

— Я не мысли читаю, глупая. Я художник. Я просто вижу, как у тебя меняется свет внутри.

В тридцать шестом доме Клавдию Ивановну невзлюбили почти сразу. Она переехала в начале мая — тихая, сухонькая женщина с вечной полуулыбкой, занявшая скромную однокомнатную квартиру на первом этаже. Чудинка в ней проявилась в первые же дни. Стоило Клавдии Ивановне присесть на лавочку у подъезда, как она принималась хвастаться своими детьми.

— Мой-то, старшенький, Сереженька, — лучась гордостью, рассказывала она местным кумушкам, — вчера звонил. В Сибири мост строит, инженер! А Анечка, дочка, в консерватории на виолончели играет. Слышали бы вы, как она играет...

Соседки переглядывались. В однушке Клавдии Ивановны было подозрительно тихо. Мужа у нее не было, также не было никаких внуков. Скоро кумушки сосчитали, что сыновей и дочерей у новой соседки — никак не меньше десятка.

— Сочиняет, от одиночества умом тронулась, — вынесла вердикт баба Тоня со второго этажа. — Жалость какая.

Но уже в середине мая к Клавдии Ивановне поехали гости. Первым приехал высокий, плечистый парень на дорогой машине. Он привез огромный плазменный телевизор и охапку белых пионов. Через три дня на пороге подъезда появилась тоненькая девушка с футляром для виолончели, кото-

рая бережно вела под руку пожилую женщину до машины, чтобы отвезти в театр. Еще через пару дней приехала молодая пара с близнецами в коляске — в подъезде пахло пирогами, а из окон первого этажа доносился детский смех.

Молодые люди сменяли друг друга с поразительной, почти математической точностью. Каждые два-три дня — новое лицо. Все разные: светловолосые, темноволосые, скуластые, круглолицые. Но всех их объединяло одно — удивительно открытые, светлые лица и то, с какой невероятной нежностью они обнимали Клавдию Ивановну при встрече.

Дом замер в недоумении. Возле подъезда кипели нешуточные страсти.

— Да не могла она столько родить! — авторитетно заявляла баба Тоня, провожая взглядом очередного визитера — невысокого парня в очках с огромным букетом хризантем. — Вы на лица их посмотрите. Никакого сходства! Это ж сколько мужиков-то было? Гуляющая она, вот на старости лет одна в коробке и осталась, а они из жалости набегам ездят. Тьфу, срам!

А за закрытой дверью квартиры номер четыре пахло свежими хризантемами и мятным чаем.

Парень в очках — тот самый, которого на улице заклеями чужаком, — сидел на низком табурете у кресла Клавдии Ивановны. Он крепко держал ее сухую, покрытую пигментными пятнами ладонь в своих руках.

— Мама, — тихо сказал он, и в его голосе прозвучало

столько тепла, сколько баба Тоня на лавке не слышала за всю свою жизнь. — Я бы хотел приезжать чаще. Но ты же сама знаешь, мои братья и сестры не пропустят своей очереди. У нас строго.

Клавдия Ивановна мягко рассмеялась, погладив его по коротко стриженным волосам.

— Знаю, Игореша, знаю. Куда мне столько сразу в мои сорок квадратных метров.

— Мы ждем этого дня всегда так же, — парень на мгновение замолчал, подбирая слова, и посмотрел на нее чистыми, благодарными глазами, — как в детстве ждали, что наши настоящие матери нас заберут домой. А дождались тебя. Все двенадцать человек.

Он улыбнулся, вспоминая их общую комнату в детском доме, старые железные кровати и эту женщину — единственного воспитателя, которая не уходила домой после смены. Которая зашивала им порванные коленки, читала сказки на ночь и тратила всю свою мизерную зарплату на конфеты и книги для «своей группы». Женщину, которая отдала им всю свою жизнь, чтобы ни один из них не сломался. И они ее не подвели.

— Ты же помнишь чему я вас всегда учила - распорядок самое важное, — подмигнула Клавдия Ивановна. — А потом Мишка обещал приехать, обои в прихожей переклеить.

Игорь рассмеялся, прижавшись щекой к ее руке.

За окном, на лавочке, лениво перемывали чужие кости со-

седки.

Ливень

Выход из метро был забит. Стена ливня стояла так плотно, что казалась рекой, которую какой-то волшебник поставил на бок. Вода уже заливала покрытие перехода, подбираясь к самым дверям перед турникетами. Выйти в город было невозможно: зонты не спасали, через десять секунд насквозь промокло бы всё.

Даша стояла в метре от падающей воды. Капли долетали до лица, но она не отходила. Спешить было некуда, спасти прическу — незачем. Она застряла посередине между относительно сухим комфортом перехода и стихией.

Час назад её выбил из колеи один разговор. Случайный, в аптеке. Женщина перед ней — с красными, опухшими глазами — умоляла фармацевта подобрать хоть что-то. «Мне поставили бесплодие, понимаете? Но должны же быть варианты. Муж сказал, если не рожу, он подаст на развод. А я тянула, всё думала, успею...» Женщина не приглушала голос. Для нее весь мир был там, за стеклом окошка и она хотела быть услышанной.

Даша невольно слушала, стоя за её спиной. Она вспомнила утренний вызов к генеральному. Тот протянул приказ о повышении, пожал руку и шутливо спросил: «Ну, Даш, теперь на декрет времени точно не останется?» Даша тогда легко засмеялась: «Конечно нет, какая семья, я карьеру строю».

Повышение она ждала год. Взяла папку с гордостью.

А сейчас, глядя на серую воду, она спрашивала себя: «За-чем я согласилась? И почему я так этого хочу? Я даже не помню когда последний раз жила не по плану, когда хотела чего-то для себя лично. Я не помню когда перестала верить в чудо.»

В этот момент из стены ливня прямо на неё выпала де-вушка.

Она почти сбила Дашу с ног. Она была мокрая до послед-него шва на одежде, неправильная, растрепанная. Волосы с розовым отливом облепили челку, по щекам размазалась черная тушь, из-под промокшей майки просвечивали разно-цветные татуировки. Но она захлебывалась от смеха.

— Извините! — крикнула она, вытирая лицо ладонью. — Мы с братом на спор сделали день без машины! И вот я тут! Пешком!

Она говорила быстро, глотая слова от восторга. Даша за-вороженно смотрела на этот фонтан чужой, дикой энергии.

— Мой телефон сдох от воды, — девушка потрясла чер-ным кирпичиком. — Пожалуйста, сделайте мое фото на свой! Мне нужно доказать брату, что я не схитрила. У него сегодня день рождения, тридцать лет. Он обещал, что если я выиграю спор, он откроет вечер нашим любимым танцем вместе. Прямо в ресторане! Запишите номер, скинете прямо сейчас, ладно? А я побежала, мне еще балдежное платье для танца купить надо!

Даша, подчиняясь какому-то механическому импульсу, достала телефон, навела камеру на смеющуюся девушку и сделала несколько хороших снимков. Девушка продиктовала цифры и тут же растворилась в толпе у эскалаторов.

Дома Даша переделалась и сразу скинула фотографии в мессенджер. Час прошел, два — сообщения висели непрочитанными. Обещание нужно было выполнить. Она вбила номер в поисковик, чтобы найти хоть какие-то зацепки. Вдруг вывалилось свежее объявление на личной странице: «Празднуем 30-летие Дениса! Ждем друзей в девятнадцать ноль-ноль». Ниже был указан адрес — семейный ресторан на Покровке.

Даша посмотрела на часы. Время поджимало. Она немного колебалась, но ей так захотелось сказать этой взбалмошной, но очень милой девушки, чьего имени она не спросила, что она в ней не ошиблась доверив исход спора. Она вызвала такси и поехала.

Ресторан оказался приятным, с мягким теплым светом и ароматом запеченной утки. Внутри было многолюдно. Даша подошла к хостес, спросила, где празднуют тридцатилетие Дениса. Ей указали на вход в небольшой отдельный зал. Она вошла. Во главе стола сидел высокий молодой человек в хорошем пиджаке, окруженный родственниками. Розоволосой девчонки среди них не было.

Даша глубоко вдохнула, подошла и тронула его за плечо.
— Здравствуйте. Извините за вторжение. Меня зовут Да-

ша. Несколько часов назад у метро я встретила вашу сестру. Она просила передать вам доказательство, что она выиграла спор. Просила скинуть фото, но телефон, видимо, был ваш.

Молодой человек посмотрел на неё с искренним удивлением. Гости за столом притихли и заинтересованно прислушались. Даша протянула ему экран со снимками.

— Обалдеть, — парень улыбнулся, разглядывая мокрую, счастливую сестру на фото. — Да, это её стиль. А телефон она мой назвала, вы правы. Да и сама до сих пор где-то бегает.

Даша кивнула, чувствуя, что долг выполнен.

— Ну, в общем, вот. Я пойду. С днем рождения вас.

— Подождите, — парень поднялся со стула. — Вы через всю Москву везли мне этот подарок. Я не могу вас так отпустить, пожалуйста, присаживайтесь с нами, она вот-вот придет. Сделайте мне подарок на день рождения — останьтесь на ужин.

Даша помялась, но парень улыбался так открыто и просто, что она неожиданно для самой себя согласилась и присела на крайний стул.

Минут через десять двери ресторана с шумом распахнулись. В зал влетела та самая девчонка — все ещё с влажными розовыми волосами, но со свежим макияжем и в совершенно сумасшедшем, ярком летящем платье.

— Денис! Я успела! — закричала она еще с порога, но тут её взгляд упал на Дашу. — Ой! Привет! А ты как тут?

Даша рассмеялась и рассказала про перепутанный номер и поиски в сети. Девчонка легкомысленно махнула рукой, сверкнув татуировками:

— Ой, да со мной такое постоянно! Я вечно всё путаю. Зато ты приехала!

Она ладонями оперлась о стол, переводя взгляд с Даши на брата и обратно. В её глазах зажглись хитрые, веселые искры. Она внимательно осмотрела Дашино строгое, идеально сидящее по фигуре платье.

— Так, брат, — заявила розовая девчонка, подмигивая Денису. — Спор я выиграла, танец мой. А я дарю его Даше.

Она наклонилась к Даше и заговорщицки прошептала на весь стол:

— Платье у тебя вообще балдежное.

Граница

В приёмной крупного холдинга, как и всегда по средам, царило ленивое затишье. Сотрудники приемной давно привыкли к странности своего босса: ровно на два часа и сорок пять минут идеальный, жёсткий директор в безупречно отглаженном костюме исчезал. Никаких звонков, никаких поручений. Словно человека стирали из расписания холдинга, а затем возвращали обратно — к совещаниям, отчётам и доскональному разбору малейших рабочих деталей.

В этот раз отточенный годами механизм дал сбой из-за пустяка. Помощнику срочно понадобились документы, оставшиеся на директорском столе. Уверенный, что кабинет пуст, он тихо приоткрыл массивную дверь, шагнул внутрь — и замер.

За столом сидел человек.

На нем не было одежды — только бельё. Всё его тело, от лодыжек до самой шеи, представляло собой сплошной, глупой ковёр из татуировок. Плотный чёрный рисунок обрывался ровно по линиям манжет и воротника, за пределы которых в обычной жизни не выбивался ни один миллиметр кожи.

Человек медленно, почти с отчаянием, водил пальцами по собственным плечам и груди, пристально разглядывая себя в зеркале, словно безуспешно пытался отыскать среди чернил хотя бы клочок чистой кожи.

Помощник оцепенел, не в силах соотнести этот пугающий, расписной силуэт со своим строгим начальником.

— Простите... — наконец выдавил он, отступая на шаг. — Я думал, вас тут нет.

Татуированный человек даже не повернул головы. Он продолжал неподвижно смотреть на своё отражение, изучая тупик, в который сам себя загнал.

— Правильно думал, — глухо ответил он.

Помощник тихо шагнул из кабинета и закрыл дверь.

Этажи

Двор детства встретил его привычной серой прохладой. Мужчина сидел в машине, положив руки на обод кожаного руля, и сквозь лобовое стекло смотрел на кирпичную многоэтажку.

Он вырос здесь. Он знал этот дом до последнего сантиметра: помнил щербину на единственной ступеньке седьмого подъезда, въевшийся запах сырого подвала, вмятину на козырьке от упавшей сосульки, похожую на контур Африки, и то, как криво ложатся тени от старых тополей в три часа дня. Этот двор был единственной константой в его жизни, местом, где всё всегда оставалось на своих местах. Менялись люди, менялись декорации, но это был тот самый двор, где он проводил все свободное время с друзьями лиц и имён, которых не помнил.

В магнитофоне негромко, чуть хрипло лилась старая песня. «Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко...» — выводил чистый детский голос. Музыка плыла в замкнутом пространстве салона, мешаясь с запахом автомобильного освежителя и модной электронной сигареты.

Но все его мысли занимал другой человек. Девушка.

При мыслях о ней он чувствовал себя молодым, свободным, способным прожить жизнь ещё раз, но намного интереснее. Он знал, что это ложь, но до чего эта мысль была

пленительна. Он почти ничего о ней не знал, да и не очень хотел знать. Ему вполне хватало внешней привлекательности и того образа, что он построил в голове. Он даже не был уверен, что именно его влечет или что он хочет. Возможно все сразу и ничего конкретного. Ему хватало мыслей из которых он время от времени возвращался в реальный мир исключительно по необходимости.

Мужчина перевёл взгляд на панельный фасад. В его душе сейчас не было злости, тоски или отчаяния. В ней также не было радости или предвкушения праздника. Была только огромная, свинцовая тяжесть.

Он начал медленно, одними губами, считать этажи дома напротив.

Один. Два. Три...

Он знал этот дом наизусть. Знал, сколько в нём этажей, ещё до того, как научился умножать. Но сейчас этот глупый, механический подсчёт был необходим. Он вносил хоть какой-то порядок в его пошатнувшийся, расколотый мир.

Четыре. Пять. Шесть...

Окна шестого этажа когда-то принадлежали его другу детства. Он часто бывал там, за стеклом. Теперь там висели чужие, элегантные бежевые шторы.

Семь. Восемь. Девять.

Ровно девять. Ничего не изменилось. Архитектурный каркас его прошлого устоял. Мужчина слабо улыбнулся кончиками губ, почувствовав странное, минутное облегчение. Ес-

ли количество этажей осталось прежним, если законы физики и градостроительства всё ещё работают, то, возможно, и вся эта жизнь чуточку проще, чем ему сейчас кажется. Мир не рухнул. Он просто стал сложнее.

Мужчина ждал жену. Она собиралась наверху, в квартире, и делала это не торопясь. Она могла позволить себе не спешить, потому что знала наверняка: он будет ждать. Сколько потребуется. Столько, сколько нужно ей. Эта его исполнительность и надежность давно стали для неё нерушимой аксиомой жизни, чем-то само собой разумеющимся, как смена дня и ночи.

«...от чистого истока в прекрасное далеко...» — допевал магнитофон.

Щёлкнул замок пассажирской двери. В салон, наконец, села его жена. Она привычно улыбнулась, бросая сумочку на заднее сиденье, и поправила зеркальце.

— Ну всё, поехали? У нас куча дел.

Мужчина мягко перевёл взгляд на супругу, отпуская свои мысли, как отпускают воздушный шар в серое небо. Лицо его оставалось спокойным и привычным.

— Да, конечно, — ровно ответил он, включая первую передачу.

Машина плавно, почти незаметно тронулась с места — так, чтобы жене было максимально удобно. Она очень не любила резких движений, внезапностей или чего-то подобного. И он, как всегда, помнил об этом.

Выезжая из двора он внимательно смотрел на дорогу, чтобы избежать возможных случайных велокурьеров или детей на самокатах и не обратил внимание на то, как изменилось беззаботное лицо его жены когда он ее не видел. Ее глаза, в которых читались сразу любовь, отчаяние и надежда отличались от того взгляда к которому он привык.

Настоящая жизнь

В кабинете пахло дорогим деревом и хорошим кофе. Напротив массивного стола, глубоко увязнув в кожаном кресле, сидел мужчина. На вид ему было чуть за тридцать — аккуратная стрижка, приглушённые тона в одежде, усталый, тусклый взгляд человека, который не спал несколько недель.

Психотерапевт мягко кивнул, поощряя продолжать:

— То есть, вы утверждаете, что радость исчезла полностью? Давно это началось?

— Я не знаю, как объяснить, доктор, — мужчина вздохнул и уставился на свои чисто вымытые ладони. — Нет никакого «началось». Просто... пустота. Всё вокруг кажется картонным. Еда не имеет вкуса, музыка — просто шум. Я просыпаюсь и не понимаю, зачем мне вставать. Суицидальные мысли стали чем-то вроде фонового шума. Как навязчивая мелодия, которую невозможно выкинуть из головы.

Врач делал пометки в блокноте. Обычный случай. Глубокая депрессия, затяжная, экзистенциальная.

— Вы пробовали менять обстановку? Путешествия, новые люди? — спросил психотерапевт, не поднимая глаз.

— Я объездил весь мир, — тихо ответил пациент. — Поверьте, города везде одинаковые. Люди говорят об одном и том же, совершают те же ошибки, строят дома, которые потом рушатся. Всё это так... бессмысленно. Одиночество не

проходит, сколько бы народа ни было вокруг. В какой-то момент ты понимаешь, что ты абсолютно один и это не закончится никогда.

Пациент говорил монотонно, без надрыва, и эта глухая покорность судьбе пугала сильнее, чем самые горькие слезы. Весь разговор он возвращался к одной и той же теме — абсолютной бессмысленности любого действия.

Врач перевернул страницу. Сеанс подходил к концу, а решение найдено пока не было. Нужна была зацепка, отправная точка, с которой всё пошло на спад.

— Хорошо. Давайте попробуем нащупать корень, — врач отложил ручку и посмотрел на мужчину. — Вы можете вспомнить момент, когда впервые отчетливо ощутили это состояние? Когда мир вокруг вас потерял краски?

Пациент помолчал. Его взгляд на мгновение стал невероятно далёким, словно он смотрел сквозь стену кабинета.

— Я помню эту дату совершенно точно, — тихо сказал он. — Тогда дотла сгорело моё имение под Москвой и вместе с ним всё, что было мне действительно дорого. Это было летом 1812 года. Война, что сказать.

И горько улыбнулся — впервые за всё время сеанса.

Врач на секунду замер, решив, что это метафора или внезапный бред. Он внимательнее взгляделся в лицо пациента через стол — и осёкся. В полумраке кабинета, прямо во время этой горькой улыбки, из-под верхней губы мужчины отчетливо проступили острые, длинные клыки.

Тишина повисла в воздухе. Ни один, ни другой не двигались в своих креслах.

Наконец врач прервал молчание:

— Простите за эту паузу, но мне нужно было подумать о вашем случае и о том, какую рекомендацию я могу дать. Для вас мой совет может быть несколько парадоксальным. Как я понимаю, корень проблемы не в конечности бытия и страхе потерь, а ровно в обратном. Необычно, но клинически объяснимо. Смысл может прийти тогда, когда вы сами ограничите свои возможности. Например, проводить в одной стране не более двадцати-тридцати лет и жить так, как живёт обычный человек. Почувствуйте снова, что значит бояться не успеть, бояться потерять, бояться не суметь с чем-то справиться. Думаю, другая терапия вам будет не нужна.

Пациент в глубокой задумчивости смотрел на врача. Наконец он произнес:

— Вы предлагаете мне стать слабым?

Врач глубоко вздохнул и сказал, глядя прямо в глаза пациенту:

— Я предлагаю вам снова стать живым.

Пациент поднялся из своего кресла стремительно и почти неуловимо для глаза — и тут же оказался у кресла врача. Посмотрел на него несколько секунд и произнес:

— Прошу вас забронировать мне следующий сеанс, скажем, через год. Я расскажу вам о результатах. Благодарю вас и до встречи.

Клуб

Подземный паркинг жилого дома. Два соседа паркуются почти одновременно. Один с трудом достает из багажника тяжёлый деревянный ящик с фруктами. Второй выходит из своей машины налегке, его левая рука от запястья до локтя плотно завернута в одноразовую медицинскую пелёнку, и он её явно бережёт, держа чуть навесу.

Они идут к лифтам. Тот, что с ящиком, тяжело пыхтит — ноша действительно неподъёмная. Второй замечает это и вежливо предлагает помочь, но получает такой же вежливый, хотя и вымученный отказ.

Они одновременно подходят к лифтовой зоне и вызывают сразу две кабины.

Первый, переводя дух, косится на замотанную руку соседа и спрашивает:

— АКШ?

— Что? — ошарашенно переспрашивает второй.

— Это АКШ?

Второй пару секунд молчит, а потом растерянно произносит:

— Простите, я не понимаю что это значит.

— Ну, аортокоронарное шунтирование? У вас было шунтирование? — поясняет первый и кивает на руку. — Вену из предплечья для сердца брали, да? Знакомая повязка.

Второй застывает, смотрит на свою руку, потом на соседа и тихо говорит:

— Нет. Я сделал новую татуировку.

В этот момент лифты одновременно подъезжают и открывают двери. Второй стремительно заходит в свою кабину, поворачивается, смотрит на соседа и коротко бросает:

— Извините.

Двери закрываются, и лифт уезжает.

Первый сосед с усилием заносит свой ящик во вторую кабину.

Стоп! Снято!

Поезд мягко покачивало на перегоне между «Спортивной» и «Фрунзенской». Катерина дремала в уютном вагоне метро, прикрыв глаза и стараясь ни о чем не думать. Сиденье напротив пустовало, и в стекле отчётливо отражалось её собственное лицо — бледное, с лёгкими тенями под глазами, которые гримёры площадки «Тайн следствия – 12» уже устали маскировать.

В сумке лежал сценарий завтрашних сцен. Катя знала свою роль наизусть: её героиня, капитан юстиции Швецова, должна была с суровым лицом произносить фразы вроде: «Алиби подозреваемого не подтверждается, проверьте биллинг телефона». Пятый год. Шесть дней в неделю.

— Извините... — робкий, нерешительный шёпот прервал стук колёс.

Катя открыла глаза. Перед ней стояли женщина в светлом плаще и маленькая девочка лет семи в забавной шапке с помпоном. Девочка смотрела на Катю так, словно перед ней сидел по меньшей мере единорог.

— Простите, пожалуйста, — женщина густо покраснела. — Мы вас сразу узнали. Вы не против, если мы с вами сфотографируемся? Дочка просто глаз от вас оторвать не может.

Катя привычно улыбнулась — той самой мягкой, располагающей улыбкой, которой её научили ещё на первом кур-

се театрального. Она привыкла к вниманию, это тоже была часть профессии. Предстояло сыграть лёгкий интерес и доброжелательность, это всегда удавалось на отлично.

— Конечно, давайте. Без проблем.

Они примостились рядом на сиденье. Женщина чуть дрожащими пальцами сделала пару селфи, экран телефона послушно мигнул вспышкой. Девочка в это время восторженно дышала Кате в плечо.

— Спасибо вам огромное! — женщина бережно убрала телефон и повернулась к дочери, победно сияя. — Видишь, Лиза? Я же тебе говорила, что мы с тобой встречаем удивительных людей. Ты же помнишь, как эта тётя ловко прыгала на канате в цирке?

Катя замерла. Внутри неё капитан юстиции Швецова с удивлением посмотрела на подозреваемого поверх элегантных очков в тонкой оправе.

— Да! — пискнула девочка. — В том блестящем трико! И сальто назад!

Мама обернулась к Кате, её глаза светились искренней признательностью и почтительным благоговением:

— Спасибо вам огромное за ваш труд. Моя Лиза давно мечтала, но после того как вас увидела твердо решила пойти по вашим стопам и стать цирковой гимнасткой. Это же настоящее, большое призвание, и его так важно найти в детстве!

Катя замерла всего на секунду, а потом мягко улыбну-

лась и заговорщически наклонилась к девочке, понизив голос, будто выдавала государственную тайну:

— Знаешь, Лиза... Самое главное в цирке — это вовсе не то, что происходит на арене под светом прожекторов. И даже не блестящее трико.

Девочка затаила дыхание. Её мама тоже невольно подавалась вперёд. Катя судорожно пыталась вспомнить все что помнила о цирке, по своим далёким детским визитам в цирк на Вернадского — запах сладкой ваты, опилок и какое-то щемящее чувство тайны за тяжёлым бархатным занавесом.

— Самое главное — это то, что происходит за кулисами, — тихо продолжала Катя. — Там, где стихает музыка. Попасть туда полноценным участником, стать частью этой огромной семьи, которая каждый день репетирует до седьмого пота, поддерживает друг друга и верит в чудо — вот это настоящая награда и главная цель. Если ты полюбишь этот невидимый мир за кулисами, то выходить к зрителям на арену тебе уже никогда не будет страшно. Понимаешь?

Лиза восторженно закивала, её помпон на шапке смешно качнулся в такт. Она смотрела на Катю так, будто та только что показала ей живую фею.

— Понимаю... — прошептала девочка. — Я буду очень стараться.

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Парк культуры», — глухо раздалось из динамиков.

— Нам пора, — встрепенулась мама. Она благодарно

улыбнулась Кате, прижав руку к груди. — Спасибо вам. Ещё раз огромное спасибо!

Они вышли на платформу. Лиза на прощание обернулась и изо всех сил помахала Кате рукой. Катя помахала в ответ.

Поезд тронулся, унося её дальше в темноту туннеля. Катя снова закрыла глаза. Усталость никуда не делась, но внутри почему-то разлилось удивительное, давно забытое тепло.

У неё не было сегодня театральных подмостков, не горели софиты, не работала камера, и никто не кричал «Стоп, снято!». Но Катя чувствовала, что в вечернем вагоне метро, без сценария и дублей сыграла свою лучшую роль. Для одного-единственного зрителя.

Кольцо

Солнце лежало на сосновых ветках за окном ровными, янтарными полосами. В доме пахло хорошим кофе и немного — воском: горничная с утра натирала паркет в гостиной.

Вся усадьба замерла в каком-то торжественном, ленивом оцепенении. Мама, бледная, с заплаканными, но счастливыми глазами, то и дело заходила в комнату, поправляла кружево на рукаве шуршащего белого платья и уходила, шмыгая носом. Было одиннадцать утра. В двенадцать за ней должен был приехать Анатолий.

Вера подошла к трюмо и коснулась пальцем тонкого платинового кольца на левой руке. Воспоминание о вчерашнем вечере вызвало у нее легкую, стыдливую улыбку.

Все вышло так кинематографично, так не по-настоящему правильно. Веранда, закатное солнце, Толя, опускающийся на одно колено под одобрительный вздох мамы. И папа... Вера больше всего боялась отцовского взгляда. Николай Петрович не привык пускать в свою жизнь новых людей. Но вчера после ужина папа сам позвал Толю в свой кабинет — святая святых, куда даже маме дозволялось заходить только по делу.

Они проговорили за закрытой дверью почти час. Вера ходила по коридору, прислушиваясь к глухому рокоту их голосов. Один раз разговор прервался: приехал гость и папе

пришлось срочно выйти на улицу, оставив будущего зятя в кабинете одного минут на десять. Но когда папа вернулся, все пошло еще лучше. Из кабинета они вышли, похлопывая друг друга по плечам. Папа выглядел довольным, почти сияющим. «Хороший парень, — шепнул он потом Вере, целуя ее в лоб. — Умный. Далеко пойдет».

Ночью Толя уехал. «Родная, давай соблюдаем эту старую, глупую формальность, — мягко сказал он, целуя ее пальцы у машины. — Я не должен видеть тебя в свадебном платье до утра. Я приеду ровно в двенадцать. Сразу в ЗАГС». Она согласилась, тронутая его неожиданным романтизмом. Настоящий мужчина, старомодный и надежный.

Вера посмотрела на часы. Без двадцати двенадцать. Пора надевать фату.

Тишину дома взорвал резкий, чужой звук. Внизу, на гравийной дорожке, с визгом затормозили две тяжелые черные машины. Захлопали двери. Вера вздрогнула. В прихожей раздались быстрые, тяжелые шаги — так ходят люди, у которых нет времени на вежливость. Начальник отцовской службы безопасности и еще трое незнакомых мужчин буквально взлетели по лестнице и, не стучась, ворвались в папин кабинет.

Из-за дубовой двери донесся громкий голос отца, почти крик. Потом — грохот перевернутого стула, и быстрые, неразличимые голоса.

Дом, минуту назад казавшийся хрустальным замком, на-

полнился отделением непонятного страха.

Вера медленно вышла в коридор. Шлейф платья шуршал по натертому паркету, как сухая трава. Дверь в кабинет была приоткрыта.

Она заглянула внутрь. На полу валялись папки с бумагами. Картина, закрывавшая нишу за отцовским столом, была сорвана и брошена на диван. Тяжелая стальная дверца встроенного сейфа была распахнута настежь. Внутри было пусто.

Отец сидел на краю стола. Его лицо было серым, галстук сбит набок, а глаза — дикие, безумные — бессмысленно смотрели на полки, где до сих пор лежали пачки наличных и сиротливо пустовало место где раньше стояла шкатулка с криптокошельками отца. Рядом начальник охраны хрипло говорил в трубку: «Проверяйте аэропорты! Вокзалы! Телефон отключен, биллинга нет! Да, паспорт может быть другим..»

Вера постояла на пороге несколько секунд. Шум голосов вокруг нее вдруг стал тихим, будто доносился со дна колодца.

Она не стала заходить. Мягко, чтобы не привлекать внимания, Вера потянула за ручку и закрыла дубовую дверь кабинета, отсекая крики.

В коридоре снова было тихо и пахло кофе.

Она повернулась и пошла в свою комнату — снимать платье.

Место в сердце

В кондитерской пахло ванилью, поджаренными тостами и свежей малиной. За панорамным окном шумел летний город, но здесь, за угловым столиком, царил свой, замкнутый мир.

— Посмотри на это небо! — Катя сияла. Её лицо, тронутое южным загаром, казалось моложе, а в глазах прыгали те самые искры, которые Вера не видела у сестры уже очень давно. — Это в первый же вечер. Мы вышли на террасу, а там — весь залив как на ладони.

Катя быстро листала фотографии на экране смартфона. Пальцы с новеньким, тяжелым обручальным кольцом порхали по стеклу. Вера смотрела на экран, послушно улыбалась и кивала. Она искренне радовалась за сестру. Муж Кати, Костя, был прекрасным человеком — надежным, добрым, обожавшим её до безумия. Вера видела их вместе и всегда думала: «Ну слава богу, Катька наконец-то дома, наконец-то отогрелась».

На снимках Катя смеялась на палубе яхты, Катя кормила чаек, Катя сидела в маленьком ресторанчике, прижавшись к плечу Кости. Костя на фото улыбался своей открытой, немного смущенной улыбкой.

— А вот тут мы заблудились в старом городе, — Катя тихо рассмеялась, вспоминая. — Представляешь, ливень стеной,

указатели все на местном, связь пропала. Я уже паниковать начала. И тут Сергей говорит: «Без паники, капитан, сейчас выплывем». Повернул в какой-то переулок — и точно, прямо к нашему отелю...

Катя продолжала говорить, перелистнула следующий снимок, где она стояла под огромным зеленым зонтом. Она не заметила своей оговорки.

А Вера замерла. Чашка в её руке едва заметно звякнула о блюдец.

Сергей

Этого человека Вера никогда не видела вживую. Но это имя она слышала сотни раз — оно было предвестником либо сильного эмоционального подъёма в ее спокойной сестре, либо глухого отчаяния и слез. Из-за Сергея Катя не спала ночами, уезжала в никуда и возвращалась бледной тенью. А потом появился Костя. Спокойный, надежный Костя, который за два года бережно собрал Катю по кусочкам. Вера была уверена что навсегда.

Катя увлеченно продолжала рассказывать про местную кухню, про смешного официанта, про то, как они кутались в один плед на балконе. Она говорила «мы с Костей», «Костя купил», «Костя предложил». Просто случайная оговорка

Там, на залитой солнцем южной террасе, обнимая идеального, любящего мужа, Катя не могла конечно думать о ком-то другом.

— Верочка, ты меня слышишь? — Катя помахала ладо-

нюю перед её лицом, улыбаясь. — Ты какая-то бледная. Всё хорошо?

Вера сделала глоток горького, окончательно остывшего кофе. На экране телефона её сестра светилась от радости.

— Да, — Вера мягко улыбнулась и поправила сползающую с плеча сумку. — Всё хорошо. Очень красиво. Показывай дальше.

I look at you and i see me

Часть 1. ЗеркалоЭвелина искренне считала их брак идеальным. Подруги в её возрасте вечно жаловались на притирки, бытовые войны и остывшие чувства, но у них с Марком всё было иначе — они были тем, что в романах называют «близнецовым пламенем». Одной душой на двоих. Эвелина обожала рассказывать, как они без слов понимают друг друга. Стоило ей мимолётно подумать о ремонте, как Марк, архитектор с тонким вкусом, уже приносил выкрасы стен — именно тех мягких, пастельных, пудровых тонов, которые она любила. Когда они приходили в ресторан, Марку даже не нужно было открывать меню. Он просто мягко улыбался, закрывал кожаную папку и говорил официанту: «Мне то же, что и даме». Эвелина в такие моменты буквально сияла от восторга. Это была не просто любовь, это была абсолютная, космическая синхронизация. Даже их квартира была материальным воплощением этого слияния. Никакого хаоса, никаких кричащих деталей — безупречный минимализм, где каждая ваза и каждая подушка на диване занимали своё строго выверенное, симметричное место. Марк чувствовал ритм пространства так же, как она. Если она решала, что субботний вечер они проведут на открытии выставки авангардной скульптуры, он надевал отглаженный ею смокинг. Если она заявляла, что на завтрак у них теперь будут смузи из

шпината и боулы, он выпивал зелёную массу, рассказывая, кто из известных людей придерживается такой же диеты, и ласково целовал её в щёку перед уходом. Она смотрела на него и видела идеальное, комфортное, безопасное отражение собственной души. На их третью годовщину они поехали в Италию. Эвелина спланировала это путешествие до секунды: тихие галереи во Флоренции, классическая музыка в старинных палаццо, долгие вечера с видом на тосканские виноградники. Марк получал от поездки, кажется, ещё больше удовольствия, чем она. Он задумчиво ходил по залам, фотографировал её на фоне старых фасадов и мягко улыбался, когда она восхищалась архитектурой Брунеллески. Лишь однажды, в тихий душный полдень, когда они сидели в маленьком кафе, Марк предложил съездить на этап Формулы-1 в Монцу. Он обмолвился, что это всего в часе езды, а гонка будет в это воскресенье. Эвелина тогда лишь снисходительно рассмеялась, изящно отпивая эспрессо: «Маркуша, ну какая Формула? Рёв моторов, бензин, безумная толпа, грязь... Это же совсем не наше с тобой. Мы просто испортим себе этот идеальный отдых». Марк тогда задумчиво помолчал, а потом кивнул и сказал: «Да, пожалуй, ты права. Не наше». Эвелина тогда обняла его, чувствуя прилив абсолютной нежности.

Часть 2. Дневник

В субботу вечером, пока Марк был на затянувшемся совещании с заказчиком, Эвелина наводила порядок в их спальне — её обычный вечерний ритуал. На прикроватной тумбочке мужа она увидела незнакомую ей плотную

тетрадь в тёмном кожаном переплете. Тетрадь выглядела как личный дневник. Она без колебаний открыла её с легкой, предвкушающей улыбкой, уверенная, что найдет там наброски её портретов или романтические заметки. Но первая же строчка заставила её улыбку мгновенно погаснуть. «Я больше не могу дышать в этом зеркальном лабиринте», — было написано его ровным, безупречным чертежным почерком. Эвелина нахмурилась. Сердце неприятно кольнуло. Она перелистнула страницу, и текст начал читать её собственную жизнь с изнанки. «14 марта. Сегодня она снова переставила мои книги по урбанистике и архитектуре в коробки и велела унести в подвал, потому что их яркие корешки выбивались из общей концепции спальни. Я промолчал. Проще подчиниться. Если я начинаю спорить или защищать свои вещи, в её глазах появляется такой искренний, капризный ужас, будто я разрушаю её святыню. Она не выносит, когда я становлюсь кем-то, кроме её отражения». Эвелина почувствовала, как к горлу подступает горячая, удушливая обида. Как он мог? Она ведь создавала для него идеальный дом! Но пальцы уже сами листали страницы дальше, и гнев внутри неё разгорался с каждым словом. «22 июля. Италия. Она снова расписывала подругам по телефону нашу космическую связь. Ей и в голову не приходит, что я искренне ненавижу оперу. Что меня до тошноты укачало на этих дегустациях. Я умолял её поехать в Монцу — я мечтал об этой гонке с двенадцати лет, у меня до сих пор в родительском доме лежит ста-

рый плакат с Феррари. Но для неё существует только слово наше, которое в её словаре всегда означает исключительно её. Меня для неё просто не существует. Она влюблена в мой образ, а настоящего меня она бы просто не заметила в толпе». Экран телефона на столе беззвучно вспыхнул — 22:15. Время, когда Марк уже обязан был вернуться. Но в прихожей было тихо. Эвелина ходила по комнате из угла в угол, сжимая тетрадь так сильно, что побелели костяшки пальцев. Внутри неё уже кипел, выстраивался сокрушительный, уничижающий скандал. Первый скандал за все годы их брака. Какая чудовищная неблагодарность! Она найдет слова, чтобы бросить ему в лицо, сколько она оторвала времени от себя, чтобы получилось это прекрасное «мы». Она села в кресло прямо напротив входной двери, включила только одну напольную лампу для драматического эффекта и, чтобы окончательно накрутить себя перед его приходом, резко открыла последнюю страницу записей в дневнике. Часть 3. Пустота. Короткий абзац, датированный сегодняшним числом. «Если ты это читаешь, значит, я уже ушел. Ты наверняка сейчас злишься, сидишь в кресле и ждешь меня, чтобы устроить сцену. Но просто оглянись вокруг, Эвелина. Ты так гордилась тем, что чувствуешь меня на расстоянии. Но ты не заметила, что уже давно из гостиной исчез мой огромный стеллаж с Лего. Ты не заметила, что в кабинете больше нет моих дисков для приставки и личных книг. Прямо у тебя на глазах я каждый день по частям вывозил свою жизнь из этого

дома. А ты смотрела на меня — и видела только себя. От меня здесь остался только этот дневник. И он теперь твой». Эвелина медленно подняла глаза от текста. В квартире стояла оглушительная тишина. Она посмотрела на пустую, идеально выкрашенную стену кабинета, где раньше действительно стоял тёмный стеллаж. На часах было одиннадцать вечера

Вся королевская конница, вся королевская рать

На экране смартфона бесшумно сменяли друг друга уведомления. «Ты была невероятной», — писал Артур, который десять минут назад привез её из ресторана. «Завтра в силе? Обещали хорошую погоду для гольфа», — это от Влада. Чуть ниже висело лаконичное «Цветы доехали?» от кого-то, чьё имя в контактах было записано просто как «Денис Сити».

Яна сбросила шпильки. Ноги приятно заныли, коснувшись прохладного паркета. Она прошла к панорамному окну своей квартиры на тридцать втором этаже. Город внизу лежал как на ладони — огромный, мерцающий, покорный.

Она любила эту ночную тишину. И ещё больше любила то, как выстроена её жизнь. Подруги вечно на что-то жаловались: на быт, на остывшие чувства, на измены. Яна над этим только посмеивалась. Её «армия», как она мысленно называла своих мужчин, работала как смазанный механизм. Никаких драм, никаких общих кастрюль и выяснений отношений. Она брала от каждого то, что ей было нужно: от одного — статус и дорогие ужины, от другого — лёгкость и безумные ночные приключения, от третьего — молчаливое, преданное обожание. Она сама устанавливала правила. «Муж-

чин должно быть много, тогда ни один не сможет сделать тебе больно», — любила повторять она, и эта независимость казалась ей абсолютной, железобетонной силой.

Она налила стакан ледяной воды и вернулась в спальню. Взгляд зацепился за комод. Там, рядом с коробкой от дорожных часов, лежала старая, потёртая деревянная шкатулка, которую она перевезла из родительского дома и почему-то забыла выбросить.

Яна открыла её. Среди старых значков и чеков лежала криво вырезанная из картона фигурка забавного пса с оторванным ухом — её первая детская поделка, которую они когда-то мастерили вместе с бабушкой на даче. В памяти вдруг с поразительной, щемящей резкостью всплыл тот день. Запах скошенной травы, старый, прожжёный в нескольких местах дедов свитер, жужжание шмеля над малинником и то невероятное, огромное чувство безопасности, когда можно было говорить любую глупость, плакать из-за пустяков и быть абсолютно, до конца настоящей.

В горле пересохло. Ей до боли, до дрожи в пальцах захотелось прямо сейчас поделиться этим воспоминанием. Рассказать, как бабушка смешно ворчал, когда клей разлился на скатерть. Отрезать кусочек этого тепла и отдать кому-то, чтобы не оставаться с ним одной в этой пустой, стерильной спальне.

Яна взяла телефон. Экран услужливо вспыхнул.

Она открыла переписку с Артуром. Набрала: «Знаешь, я

сейчас вспомнила, как в детстве...» — и остановилась. Артур ценил в ней безупречный лоск, холодную иронию и статус «дорогой женщины». Детские поделки и воспоминания о дедушке в этот образ не вписывались. Он решит, что она пьяна или навязывается.

Она стёрла. Открыла чат с Владом. Но Влад терпеть не мог долгих историй, его стихией были спорт, скорость и минимум разговоров. Он просто не поймет и пришлёт дежурный смайлик.

Она пролистала контакты дальше. Мужчин было много. Очень много. Десятки имён, готовых сорваться по первому её звонку, привезти лекарства, оплатить счёт, примчаться среди ночи для любой цели. Но среди этой роскошной, преданной свиты не было ни одного человека, которому можно было просто отправить фотографию картонной собаки с оторванным ухом.

Пальцы зависли над светящимся стеклом.

Яна так и не набрала сообщение. Экран погас.

Она бережно положила картонную фигурку обратно в шкатулку, щелкнула замком и пошла в душ. За окном скоро начнется новый замечательный день.

Партия

Клуб подвальный, из тех, где у входа пахнет старым ковролином и чужим парфюмом, а над столами висят тяжелые зеленые абажуры. Денис приехал на пятнадцать минут раньше. Ему повезло — двенадцатый стол в углу, у окна-амбразуры под самым потолком, был свободен. Он оплатил два часа, взял на стойке два кия, проверил их на ровность об угол стола и выставил шары в пирамиду.

Они не виделись с Максом недели три. То у Дениса сессия и ночные смены в доставке, то у Макса какие-то дела с учебой и Аней.

В кармане коротко пискнуло. Денис достал телефон, уверенный, что брат пишет: «Выхожу из метро».

«Ден, сорян, не доеду сегодня. Тут у Аньки подругу парень бросил, она никакая вообще. Аня просит с ними посидеть, поддержать чисто морально, сам понимаешь. Давай на днях спишемся, сорян еще раз».

Денис подержал палец над экраном, выключил его и положил на край деревянного борта, прямо рядом с мелом.

Пирамида стояла ровная, плотная. Денис взял кий, натер наконецник синим мелом, пачкая пальцы. Встал в стойку. Разобьет сам.

Удар получился резким, слишком сильным. Шары с глухим сухим треском разлетелись по углам, два бордовых от-

скочили назад, но ни один не упал в лузу. Денис обошел стол, прицелился в полосатый.

За соседним столом компания мужчин в расстегнутых рубашках громко смеялась, один из них как раз заказывал пиво у проходящего маркера. Оттуда сильно тянуло электронными сигаретами.

Денис забил один шар, потом смазал легкий прямой. Пришлось идти за машинкой-«тещей», потому что биток встал неудобно.

— Парень, один катаешь? — от соседнего стола отделился мужчина постарше, с короткими часами на кожаном ремешке. В руке он держал стакан. — Давай партию в американку? На интерес. А то у нас один отвалился, скучно.

Денис не поднимал глаз от сукна. Он прицеливался в желтый шар, вымеряя угол.

— Нет, спасибо, — сказал он, не меняя позы. — Я брата жду. Он задерживается просто, скоро приедет.

Мужчина пожал плечами и вернулся к своим.

Денис ударил. Желтый шар стукнулся о губу лузы и остался стоять на самом краю. На телефоне, который лежал на борту, на секунду загорелся экран — пришло какое-то уведомление из новостного канала. Экран погас.

Денис подошел, взял свой шар рукой, переставил его на центр стола и снова собрал треугольник. Время на чеке шло. Ему оставалось играть еще час и сорок минут.

Новые вводные

Свадебные паблики Алина сохраняла в отдельную папку в браузере последние года три. Тайно, конечно. Чтобы Никита случайно не увидел в истории посещений эту ярмарку тщеславия с кружевными шлейфами, трехъярусными тортами и подборками «Топ-10 ведущих Москвы, которые не устраивают конкурсы с переодеванием».

Никита тему брака обходил аккуратно, как обходят открытый люк на тротуаре.

— Алин, ну зачем портить то, что и так работает? — говорил он спокойно, когда они возвращались со свадьбы его очередного коллеги. — Мои тридцать лет прожили в одном доме, орали друг на друга так, что штукатурка сыпалась, а перед разводом еще и имущество девками делили два года через суд. Зачем этот штамп? Чтобы узаконить право портить друг другу жизнь?

Алина молчала. Она любила его слишком сильно, чтобы ставить ультиматумы. Ей казалось, что если она нажмет, этот хрупкий, идеально выстроенный быт в их съемной двухкомнатной на Бауманской просто рассыплется. Она научилась с этим жить.

А неделю назад всё перевернулось.

Никита устроил всё так, как она даже не мечтала. Никаких ресторанов. Они просто поехали на выходные в Переславль,

и вечером, на берегу Плещеева озера, когда солнце уходило в воду, он просто достал кольцо. Без пафоса. Сказал: «Я хочу, чтобы мы были вместе всегда. Официально. Давай в конце лета?».

Алина плакала, Никита смеялся, а в понедельник она уже строчила списки гостей. Никита включился в процесс с какой-то бешеной, нетипичной для него скоростью.

— Давай не в августе, давай в июле? Чего тянуть? — то-ропил он за завтраком, просматривая свободные даты в Грибоедовском ЗАГСе через Госуслуги.

— Никит, ну подожди, хорошая площадка на июль уже занята, нам нужно подгадать... — удивлялась она, но внутри всё пело. Он хотел этого даже сильнее, чем она.

В четверг Никита улетел в короткую командировку в Питер. Алина осталась дома. Вечером она решила разобрать ящик в прихожей — туда годами сваливались квитанции, старые чеки, договоры на интернет и прочий бумажный хлам, до которого никогда не доходили руки.

Она вывалила всю кипу на ковер в гостиной. Налоговые уведомления, гарантийные талоны на сломавшийся два года назад блендер... В середине папки с договором аренды квартиры лежал плотный белый конверт формата А4. Без обратного адреса, только логотип крупной сети медицинских лабораторий.

Алина замерла. Внутри всё инстинктивно сжалось. Медицинские тесты. Генетика. В голову сразу полезли самые жут-

кие мысли — от неизлечимых болезней до страшных диагнозов, о которых он решил промолчать, чтобы подарить ей этот праздник. Пальцы мелко задрожали, когда она вытаскивала сложенные листы.

Это был развернутый ДНК-профиль. Комплексное исследование.

Она пропустила глазами таблицы с хромосомами и маркерами, выхватывая только текст внизу. Заключение эксперта-генетика.

«...Вероятность отцовства [Иванов И. П.] по отношению к [Иванов Н. И.] составляет 0%. Вероятность материнства [Иванова Е. С.] по отношению к [Иванов Н. И.] составляет 0%. Генетическое родство между указанными лицами исключено».

Алина перечитала строчку три раза. Иванов И. П. и Иванова Е. С. — это Игорь Петрович и Елена Сергеевна. Родители Никиты. Те самые, которые разрушали друг друга тридцать лет, ломая психику единственному сыну.

Рядом с тестом лежал маленький, написанный от руки листок — Никита, видимо, запрашивал архивную справку из роддома. Дата выдачи стояла — первое мая. За три недели до его предложения.

Алина сидела на полу среди старых чеков, держа в руках эти листы, и впервые за долгое время дышала глубоко и спокойно.

Ужаса не было. Было щемящее, огромное понимание.

Весь этот чужой ад, все эти бесконечные семейные скандалы, суды, крики, которые Никита тащил в себе как проклятие и как единственную модель будущего — всё это оказалось не его.

Когда он понял, что теперь может сам, с чистого листа, написать свои собственные правила, то первым его правилом была она, Алина.

В кармане завибрировал телефон. Высветилось: «Никита».

— Привет, Савёнок, — раздался в трубке его уставший, но живой голос. На заднем плане шумел Питер. — Я у вокзала, сажусь на Сапсан. Слушай, я тут подумал... Черт с ней, с этой площадкой за городом. Давай снимем тот лофт на «Флаконе», который тебе нравился? Зато успеем на середину июля. Что думаешь?

Алина посмотрела на лист ДНК-теста на своих коленях, улыбнулась и смахнула слезу, которая всё-таки покатилась по щеке.

— Я думаю, это идеальный план, Никит, — сказала она тихо. — Приезжай скорее. Я тебя очень жду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.